

ISSN 0202-151X

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

1990

12

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР М. И. ИС-
КАНДЕРОВ, чл.-кор. АН УзССР Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор.
АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), док-
тор ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук
Ш. С. ЗИЯМОВ, доктор филол. наук Э. А. ҚАРИМОВ, док-
тор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор экон. наук П. Х. НА-
СЫРОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр.
наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РА-
ШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, док-
тор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХА-
МЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. на-
ук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990 г.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Н. А. Абдурахмонова*

Сдано в набор 10.01.91. Подписано к печати 25.01.91. Формат 70×109¹/₁₆. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 5,46.
Тираж 925. Заказ 15. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Т. Д. НУРУЛЛАЕВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ УЗБЕКИСТАНА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Несмотря на предпринимаемые в последние годы огромные усилия по оздоровлению экономики в нашей стране, многие проблемы социально-экономического развития не только не находят приемлемых решений, но еще более обостряются. Особенно зримо это ощущается в нашей республике, которая по многим экономическим и социальным показателям значительно отстает от среднесоюзных, и этот разрыв продолжает увеличиваться.

Если в годы одиннадцатой пятилетки среднегодовой прирост валового общественного продукта в республике составлял 3,6%, а национального дохода — 3,3%, то за три года двенадцатой пятилетки — соответственно 2,6 и 2,2%. Резко ухудшились показатели производительности общественного труда и, как следствие этого, реальных доходов на душу населения. Так, если в одиннадцатой пятилетке среднегодовой прирост этих показателей составлял соответственно 0,7 и 1,3%, то за три последующих года среднегодовой показатель производительности общественного труда даже снизился на 0,6%, а среднегодовой показатель реальных доходов на душу населения возрос лишь на 0,3%.

Эта тенденция ухудшения экономических и социальных показателей продолжалась и в 1989 г. Рост валового общественного продукта республики был в 1,6 раза ниже, чем в 1988 г. Продолжали снижаться темпы прироста национального дохода. На 500 млн. руб. было недодано промышленной продукции, намеченной к выработке по плану, более 300 производственных объединений и предприятий республики снизили производство по сравнению с предыдущим годом. Нетрудно продолжить перечень и других важнейших экономических показателей, имеющих тенденцию к ухудшению.

Учитывая сложившееся состояние в экономике республики, ее природно-климатические, демографические и иные производственные условия и особенности, следует выделить важнейшие проблемы и первоочередные задачи, решение которых стало бы основой или импульсом для стабилизации, а затем и постепенного наращивания темпов социально-экономического развития.

Прежде всего необходимо разработать научно обоснованную социально-экономическую политику для республики, в которой органически сочетались бы тактика и стратегия, первоочередные и долгосрочные задачи, в логической последовательности решались проблемы расширенного воспроизводства и перестройки всей экономики. Важное место в этой политике должны занимать формирование эффективной производственной структуры, ускорение научно-технического прогресса и радикальная реформа хозяйственного механизма, включая переход к рыночной экономике.

Не секрет, что одной из существенных причин ухудшения экономического состояния республики является (если не учитывать кризиса власти в стране, приведшего к беспрецедентному расстройству сложившихся хозяйственных связей) преимущественная ориентация ее на хлопководство, обусловившая рахитичность развития других отраслей сельского хозяйства, а также неэффективность структуры межотраслевых и межтерриториальных связей народного хозяйства. Ощутимый урон наносят также диспропорции между сельскохозяйственным производством и перерабатывающими его продукцию отраслями.

Из ежегодно производимых в республике более 5 млн. т плодовоовощей, винограда и картофеля при транспортировке, хранении и переработке теряется до 30—40%. Особенно много теряется при хранении, ибо при расчетной потребности республики в хранилищах с охлаждением на 1 млн. 60 тыс. т их имеется лишь на 700 тыс. т. Эта проблема еще более обострится с осуществляемым ныне расширением личных подсобных хозяйств, а также внедрением арендных отношений и кооперативных форм труда в сельском хозяйстве, что позволит, по ориентировочным расчетам, увеличить производство плодовоовощной продукции на 20—25%. Учитывая же сезонность ее поступления на переработку и хранение, соответствующие мощности должны возрасти не менее чем в 1,5 раза, чтобы не допустить огромных потерь.

Следует отметить и диспропорции в ассортименте перерабатываемой плодовоовощной продукции. Из-за несовершенства в ценообразовании и сложившейся структуре перерабатывающих производств 95% поставляемых на переработку овощей составляют томаты, а удельный вес яблок в общем объеме сдаваемых на переработку плодов превышает 85%. Отсюда основную долю продукции консервной промышленности составляют томатные соки и паста, а выпуск консервированных огурцов и салатов, компотов, джемов и других разнообразных видов плодовоовощных консервов не превышает 2—3%, не говоря уже о необоснованно бедном их ассортименте.

Не лучшим образом обстоит дело и с глубокой переработкой сельскохозяйственного сырья. Например, только десятая часть семян винограда и 1% семян томата используются для получения масла, недостаточно утилизируются яблочные выжимки, плохо или вовсе не используются отходы многих видов первичной переработки продукции растениеводства и животноводства.

Аналогичные диспропорции имеются в производстве и переработке шелковичных коконов. При увеличении за последнее десятилетие производства коконов на 40% в республике имеются возможности по их переработке лишь на 70% от общего объема заготовки.

Диспропорция и несбалансированность выражаются не только в недостатке тех или иных производственных мощностей, но и, напротив, в неоправданном их излишке. Так, в хлопкоочистительной промышленности и в некоторых отраслях машиностроения республики неполностью используются имеющиеся мощности.

Производственные мощности хлопкоочистительной промышленности в результате необоснованного их наращивания доведены до такого уровня, что они позволяют ежегодно перерабатывать более 7 млн. т хлопка-сырца, тогда как производится его в среднем до 5 млн. т в год.

Переход предприятий сельского хозяйства на новые формы организации труда, на самокупаемость и хозрасчет вскрыл недостатки кажущейся сбалансированности в сельхозмашиностроении. Ряд традиционно производимых сельхозмашин и оборудования теперь не находят спроса, тогда как прогрессивные их виды, а также запасные части к сельхозмашинам являются дефицитными.

Систематически возникают и усиливаются диспропорции и в

других сферах народного хозяйства на всех его уровнях — между производством и потреблением сырья и готовой продукции, между капитальным строительством и его материально-техническим снабжением, между платежеспособным спросом населения и выпуском товаров народного потребления и т. п.

Ущерб, наносимый экономике от нарушений сбалансированности, огромен и не поддается точному исчислению. Несбалансированность в народном хозяйстве прежде всего подрывает (наряду с другими негативными факторами) товарно-денежные отношения, приводит к зависимости потребителя от производителя, ослабляет роль экономических стимулов и санкций, препятствует переходу к рыночным отношениям, снижает эффективность межтерриториальных связей республики.

Так, по данным о межтерриториальных связях Узбекской ССР за 1987 г., из-за отраслевых диспропорций и несовершенства сложившейся структуры общественного производства почти половину вывозимой из республики продукции занимает продукция легкой промышленности, из которой 78% составляет хлопок-волокно. В вывозе только 12,6% занимает машиностроительная продукция, 8% — химическая продукция и всего около 9% — продукция пищевой промышленности. Натурально-вещественная структура вывозимой продукции предопределена сложившейся узкой специализацией экономики республики на продукции хлопкового комплекса и неразвитостью отраслей, вырабатывающих готовую продукцию, а потому она остается в основном поставщиком сырья и полуфабрикатов. В составе вывоза 67% занимает сырье, полуфабрикаты и комплектующие изделия, причем из всей вывозимой продукции легкой промышленности сырье составляет 91%.

Между тем известно, что стоимость сырья, определяемая в оптовых ценах, значительно ниже стоимости ввозимой в республику готовой продукции, которая оценивается в розничных ценах. Все это является основной причиной систематического отрицательного сальдо межреспубликанского товарооборота. Отсюда напрашивается вывод о необходимости коренного совершенствования структуры всей экономики республики, увеличения конечной продукции в промышленности и комплексного развития сельского хозяйства. Необходимо обеспечить комплексную, безотходную переработку добываемого и производимого сырья, в первую очередь хлопка-сырца, имеющего наибольшие возможности для многократной переработки и соответствующего роста доходов. Необходимо также повысить в структуре промышленности долю наукоемких и трудоемких отраслей, как электроника, радиотехника, приборостроение и т. д., находящихся на переднем фронте НТП.

Наша республика обладает солидным научным потенциалом, представленным почти 200 академическими и отраслевыми научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро, высшими учебными заведениями и другими научными учреждениями. Кроме того, в отраслях материального производства имеется свыше 500 заводских конструкторских бюро, отделов и лабораторий по механизации и автоматизации производства.

Однако научно-техническое развитие в республике по многим показателям находится ниже среднесоюзного. Так, среднегодовая численность научных работников ныне составляет свыше 40 тыс. человек, или 0,7% всех рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве (по стране в целом — 1,3%).

Научно-технический потенциал страны и ее регионов довольно закономерно определяется числом обучающихся и ежегодно выпускаемых аспирантов. В республике на конец 1988 г. обучалось 3037 аспи-

рантов, а их выпуск составил 751 человек. Это более чем вдвое меньше численности аспирантов, приходящихся на 1 тыс. населения по стране в целом. Еще хуже обстоит дело, когда речь идет о подготовке научных кадров в области биотехнологии, молекулярной генетики, робототехнических систем, современной техники и технологий, экологии и других важных направлений научно-технического прогресса.

Вполне очевидно, что темпы научно-технического развития напрямую зависят от затрат на науку. В Узбекской ССР расходы на науку из государственного бюджета систематически повышаются и, например, в 1988 г. они составили 75,8 млн. руб. Однако, если сравнить долю затрат на науку в национальном доходе, то окажется, что она на порядок ниже, чем по стране в целом: у нас — 0,3%, а по стране — 6,0%. Отсюда очевидна необходимость интенсификации развития науки в республике, особенно ее новых направлений, поскольку, как показывает опыт развитых стран, их достижения базируются на неуклонном росте наукоемкости и науковооруженности отраслей народного хозяйства.

А пока указанные недостатки в определенной мере влияют на эффективность научно-технической деятельности, на масштабы создания и использования новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации. В республике ежегодно создается до 45 образцов новых видов машин и оборудования, что составляет чуть более 1% аналогичного общесоюзного показателя, тогда как доля научных работников в общей их численности по Союзу превышает 2,6%. Это свидетельствует о более низкой отдаче научной деятельности в республике. Об этом же говорит и сопоставление удельных весов научно-исследовательских разработок, а также созданных образцов машин и оборудования, уровень которых превышает лучшие отечественные и зарубежные аналоги. В среднем за последние три года в республике удельный вес таких научно-исследовательских разработок от общего количества выполненных работ не превышал 1%, а по Союзу — 5%. Не лучше и результаты сопоставления по созданным новым образцам машин и оборудования — примерно 2 и 10%.

Во многом именно вследствие указанного отставания в народном хозяйстве республики систематически нарушается пропорциональность между вводом и выбытием основных производственных фондов — показатель выбытия основных фондов значительно ниже показателя их ввода. В 1988 г. коэффициент выбытия производственных основных фондов в промышленности составлял 3,3%, а коэффициент ввода их в действие — 6,0%. Особенно нетерпим такой разрыв по машиностроительному комплексу народного хозяйства, который призван обеспечивать ускорение научно-технического прогресса в других его отраслях. В машиностроительном комплексе республики в 1988 г. коэффициент выбытия основных фондов составил 3,2%, а ввода их — 7,9%.

Следствием этого являются накопление устаревших видов техники и оборудования и повышение их доли в общем объеме основных производственных фондов. Так, в составе основных производственных фондов в промышленности республики постоянно растет доля изношенной их части, и если в 1970 г. она составляла 23,3%, то в 1980 г. — уже 30,5%, в 1985 г. — 33,8% и в 1988 г. — 37,2%. В некоторых же отраслях промышленности она еще больше. Например, в 1988 г. доля изношенных основных производственных фондов в топливной промышленности составляла 48,7%, в химико-лесном комплексе — 45,4%, в металлургическом комплексе — 43,8% и т. д. В свою очередь, это приводит к тому, что в республике очень медленно растет удельный вес продукции высшей категории качества, который в общем объеме производства в 1988 г. составил 10% (по Союзу — 15%).

Следовательно, необходимо коренное усовершенствование управле-

ния процессом научно-технического развития в республике, создания всех условий для широкого и эффективного использования достижений НТП.

Другая неотложная задача в этой области — повышение темпов и качества подготовки квалифицированных рабочих кадров для отраслей народного хозяйства, адекватных темпам ускорения НТП. Задача заключается не только в расширении сети ПТУ, а в подготовке мобильных трудовых ресурсов, способных работать в технически высоко оснащенных отраслях и сферах производства. Как показывают специальные обследования, одной из причин недоиспользования мощностей вновь введенных объектов является необеспеченность их квалифицированными кадрами. Так, около половины вновь введенных объектов, как правило, недоукомплектовываются промышленно-производственным персоналом.

В условиях Узбекской ССР при решении указанных вопросов одним из важных региональных факторов является учет демографической ситуации. Высокие темпы естественного прироста населения, высокая доля сельского населения, наличие значительных ресурсов незанятого трудоспособного населения требуют поиска неординарных решений.

При сохранении нынешних высоких темпов роста трудовых ресурсов к 2005 г. потребуется создать 3,2—3,5 млн. новых рабочих мест (с учетом роста коэффициента сменности), что позволит достичь достаточного уровня занятости населения в общественном производстве. Необходимо задействовать наличные внутрипроизводственные резервы, за счет которых можно в короткий срок без больших инвестиций повысить уровень использования трудовых ресурсов. В частности, решению проблемы будут содействовать создание малых предприятий, организация филиалов и цехов действующих предприятий в трудозбыточных районах, развитие на современной технической основе народных промыслов и кустарных ремесел.

Решение задачи наиболее полной занятости имеющихся трудовых ресурсов и обеспечения рабочими местами вновь вовлекаемых в производство работников тесно связано с разумным сочетанием нового строительства с реконструкций и техническим перевооружением действующего производства. Это означает, что при переходе в целом по стране к преимущественно интенсивным формам воспроизводства в нашей республике допустимо использование экстенсивных факторов экономического роста. В этой связи в Узбекистане в обозримой и более отдаленной перспективе необходимо сохранить некоторое преобладание доли нового строительства по сравнению с общесоюзным уровнем.

Проблема регулирования региональной занятости и обеспечения сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов порождает задачу перераспределения капитальных вложений как по инвестиционным формам воспроизводства, так и в отраслевом и территориальном разрезах.

При оценке территориальных предпосылок размещения производства следует учесть неодинаковый уровень экономического развития отдельных областей и районов республики. Преобладание доли Ташкентского экономического района и областей Ферганской долины в общем объеме промышленного производства и незначительная доля в нем ККАССР, Хорезмской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей вызывают необходимость осуществления приоритетного распределения капитальных вложений в пользу областей, испытывающих отставание в экономическом развитии.

Строительство новых предприятий следует тесно увязать также с проблемой повышения уровня занятости населения на базе созда-

ния и развития трудоемких производств (хлопчатобумажная, трикотажная, швейная, радиоэлектронная, приборостроение) при существенном ограничении развития фондоёмких отраслей.

Однако совершенствование структуры народного хозяйства и инвестиционной политики не в полной мере обеспечит преодоление всех негативных явлений — необходима коренная перестройка всей системы планирования и управления экономикой, всего хозяйственного механизма ее регулирования.

В чем же заключаются важнейшие задачи в этой области?

Во-первых, в реорганизации функций верхних эшелонов управления экономикой — Совета Министров, Госплана, министерств, ибо они в настоящее время фактически распоряжаются социалистической собственностью, зачастую вопреки интересам предприятий, трудовых коллективов. К этому следует добавить, что пора уже не на словах, а на деле освободить предприятия — будь то промышленные или сельскохозяйственные — от диктата и мелочной опеки средних и низовых звеньев партийного и государственного аппарата.

Правда, в настоящее время уже осуществляется реорганизация этих структур. Например, наша республика стала первой, преобразовавшей Совет Министров в Кабинет Министров при Президенте Узбекской ССР, что в определенной мере упорядочит и повысит эффективность управления экономикой. Однако этого недостаточно. Необходимо дальнейшее совершенствование исполнительной власти (и союзной, и республиканской) с передачей основных функций управления самим предприятиям, объединениям и всевозможным их союзам.

Во-вторых, необходимо осуществление принципа социальной справедливости не только в области равной оплаты за равный труд в отраслях материального производства и непродуцированной сферы, но и особенно в области хозяйственной свободы. Другими словами, следует осуществить реальный переход от административных методов управления к экономическим, включающим хозрасчет, экономические нормативы, цены, финансы, кредит и т. д., которые позволят заинтересовать коллективы предприятий и объединений в повышении эффективности хозяйствования.

Перестройка деятельности основного звена — предприятий и объединений, таким образом, предполагает введение полного хозяйственного расчета, предоставление им права самим формировать программы функционирования, переход на самоуправление и самофинансирование. Это откроет простор для развития социалистической предприимчивости и хозяйственной инициативы, создаст условия для перехода к рыночной экономике.

При этом важнейшим звеном, определяющим взаимоотношения предприятий с государством, регулирующим деятельность хозяйственных звеньев, являются экономические нормативы (в частности, налоговая политика), предусматривающие основные принципы распределения прибыли. Система нормативов должна быть оптимальной, научно обоснованной, позволяющей изымать ту часть дохода, которая образуется сейчас на предприятиях в результате условий, не зависящих от деятельности трудовых коллективов. Вместе с тем нормативы должны быть долговременными, стабильными и отражать равные требования к использованию ресурсов.

Переход на принципы рыночных отношений должен поставить производителя в зависимость от удовлетворения запросов потребителя. Однако в настоящее время в экономике из-за монополизации производства, особенно государственными предприятиями, и несовершенства системы ценообразования преобладает затратный метод, который ориентирован по своей сути на интересы не потребителя, а производителя. Система оценочных показателей хозяйственной деятельно-

сти государственных предприятий сейчас такова, что им невыгодно применять дешевое сырье и недорогие продукты, повышать качество продукции, внедрять достижения научно-технического прогресса.

Таким образом, для перехода к рыночной экономике необходимо:

1. Ограничить функции государственного управления экономикой.

Государственные органы управления экономикой должны оставить за собой только реализацию общенациональных программ, включающих в себя социальное обеспечение, образование и медицинское обслуживание, развитие фундаментальных и межотраслевых научных исследований и т. д., выполнять роль центральных заказчиков по этим программам. Кроме того, они должны вырабатывать стратегию социально-экономического развития региона и использовать для ее реализации эффективные экономические рычаги.

Следует всемерно расширить самостоятельность хозрасчетных предприятий и организаций и одновременно ликвидировать излишние министерства и ведомства, а деятельность оставшихся министерств направить в русло рыночных отношений.

2. Осуществить демонополизацию производителей и приватизацию государственных средств производства.

В этих целях необходимо провести полную инвентаризацию основных фондов и юридически разграничить их по всем формам собственности (государственная, коллективная, индивидуальная и др.). Затем государственная собственность, предназначенная для производства товаров и услуг для населения, должна быть преобразована в акционерную собственность или передана в аренду с правом последующего выкупа. При этом небольшие предприятия могут быть проданы в частную собственность. Одновременно должны быть обеспечены равные условия деятельности для всех секторов экономики, любых форм собственности, юридически закреплены антимонопольные мероприятия.

Особо следует сказать о собственности на землю. Согласно недавно принятому Закону Узбекской ССР о земле, она не может быть передана в частную собственность. Это в определенной мере ограничивает рамки рыночных отношений и интересы землепользователей, и потому такой порядок может быть оправдан лишь в переходный период вхождения в рыночную экономику.

3. Осуществить меры по оздоровлению денежно-финансовой системы.

Здесь многое будет зависеть от механизма реализации положений будущего Союзного договора. В проекте нового Союзного договора в полномочия Союза, кроме прочих, входит «проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, основанной на общей валюте». Но это означает, что достижение экономического прогресса в одной из республик вызовет в нее поток массы не обеспеченных товарами денег со всего Союза, так как с введением рыночных отношений деньги станут играть неизмеримо большую роль, чем это было при плановом (распределительном) хозяйстве. Следовательно, чтобы обеспечить эквивалентный обмен товарами, республикам необходимо иметь либо собственные деньги, либо другой механизм, ограждающий их народное хозяйство от расстройств.

Но в любом случае в республике необходимо создать самостоятельную банковскую систему, Государственный банк Узбекской ССР и широкую сеть коммерческих, акционерных и других банковских учреждений.

Другой важной задачей в этой области должно быть «связывание» вынужденных накоплений населения путем, например, продажи квартир, садовых участков и т. д., а также осуществление других мер по оздоровлению денежного обращения.

4. Приступить к созданию на территории республики широкой и

всеохватывающей сети товарных рынков и бирж, коммерческих центров и иной рыночной инфраструктуры с целью обеспечения на них конкурентного спроса и предложения. В организации таких рынков должны участвовать прежде всего промышленные и торговые предприятия, а также кредитно-финансовые и снабженческие органы (на первых порах и управленческие, и административные органы). Этот процесс, кроме прочего, поможет административным органам овладеть экономическими методами управления, их эффективной реорганизации и приобретению новых функций по координации свободных рыночных структур. Пробразамии таких структур, например, являются успешно функционирующие в настоящее время коммерческие центры, торгово-промышленные ярмарки и т. д.

5. Разработать меры по организации защиты потребительского (розничного) рынка в комплексе с мерами по социальной защите малообеспеченных слоев населения республики. При этом долгосрочной политикой государственного управления экономикой должны стать социальная ориентация рынка и обеспечение социально-правовых гарантий для населения. В частности, в необходимых случаях государство должно компенсировать (либо дотировать производство товаров народного потребления) населению расходы, связанные с повышением цен на продукты питания, потребительские товары, имеющие особо важное социальное значение (например, медикаменты, детские товары, для молодоженов и т. п.), а также на тарифы отдельных видов коммунальных и транспортных услуг.

6. Государство должно оказать социальную помощь и материальную поддержку малообеспеченным группам населения — пенсионерам, многодетным семьям, лицам, потерявшим работу или временно занятым, и т. д., предоставлять другие виды социальной помощи нуждающимся в связи с переходом к рыночной экономике.

7. Для преодоления негативных социально-психологических факторов, возникающих в связи с развертыванием рыночных отношений, следует принять и другие меры для безболезненного перехода к рыночной экономике, а также широко использовать средства массовой информации для формирования позитивного общественного мнения.

И. А. ЧЕРКАШИНА

МЕЖХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Современная аграрная политика признает равноправными все формы сельскохозяйственного производства, гарантируя создание необходимых условий для их всемерного развития.

Одна из таких форм — межхозяйственная кооперация, суть которой заключается в объединении заинтересованными сельскохозяйственными предприятиями части своих средств в целях увеличения производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, улучшения их качества при сокращении затрат на производство, внедрения достижений науки, техники и передового опыта, наиболее полного использования материальных, трудовых, земельных и других природных ресурсов¹.

Межхозяйственная кооперация всегда предполагает узкую специализацию создаваемых предприятий; в частности, в сельском хозяйстве они создаются для производства какого-либо одного вида сель-

¹ См. ст. 1 Положения о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве, утвержденного постановлением Совета Министров СССР 14 апреля 1977 г. // СП СССР. 1977. № 13. Ст. 80.

скохозяйственной продукции (мяса, молока, яиц, шерсти, кормов) или проведения отдельных видов работ по обслуживанию сельского хозяйства. А это позволяет хозяйствам-участникам, не отвлекая значительную часть своих материальных, трудовых и природных ресурсов, стать совладельцем (точнее, совместным собственником), например, крупной, современной, высокомеханизированной животноводческой фермы с укомплектованным поголовьем и прочной кормовой базой и получать гарантированные прибыли соразмерно внесенным паям.

Итак, межхозяйственное сельскохозяйственное предприятие — это хозяйственная единица сельскохозяйственного производства, которая создается не на собственной материально-технической базе, а путем добровольного объединения колхозами и совхозами своих финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов для достижения определенных производственных результатов. Такое предприятие осуществляет свою деятельность по плану, разработанному с учетом потребностей хозяйств-участников и под их руководством. Все хозяйства-участники (и мелкие, и крупные, с разным уровнем экономики) имеют равные возможности для последовательного перехода к высокоинтенсивному производству, обеспечения высоких темпов расширенного воспроизводства. Как подсчитано экономистами, если все производство мяса колхозов и совхозов республики перевести на технологию, применяемую в межхозяйственных предприятиях, то при расходе того же количества кормов можно получить в 1,43 раза больше мяса, а от снижения себестоимости продукции сэкономить 56,2 млрд. руб. в год².

После июльского (1978) Пленума ЦК КПСС, рассмотревшего вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства СССР, уже начавшийся процесс специализации и концентрации сельскохозяйственного производства был признан «общеобязательным» для всех сельскохозяйственных формирований, и административно-бюрократическая машина восприняла это как призыв к действию. Повсеместно, часто в приказном порядке, без технико-экономических обоснований, стали создаваться межхозяйственные предприятия. Совершенно игнорировать основополагающие принципы организации таких предприятий, перечисленные в постановлении ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. по этому вопросу, в частности: добровольность совместного сотрудничества хозяйств; научный подход к выбору организационных форм; материальная заинтересованность хозяйств в развитии и повышении эффективности общественного производства и т. д.

На начало 1985 г. в Узбекской ССР, например, межхозяйственные предприятия имелись почти в каждом сельскохозяйственном районе республики. И многие из них в первые же годы становились нерентабельными в силу тех причин, которые уже отмечены выше, и ряда других, о которых будет сказано ниже. Таким образом, в целом положительное начинание и в общем верный путь повышения эффективности сельскохозяйственного производства был обречен на провал. Уже с середины 80-х годов количество межхозяйственных предприятий как в стране, так и в республике ежегодно стабильно сокращалось (в 1984 г. их было 259, в 1985 г. — 251, в 1986 г. — 226, а на конец 1988 г. — только 183).

Такая тенденция объяснялась и тем, что для создания и успешного функционирования межхозяйственных сельскохозяйственных предприятий, в частности специализирующихся на животноводстве и кормопроизводстве, необходимо решение и такого важнейшего вопроса,

² См.: Исмаилов Э. И. Развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции (На примере Ферганской долины Узбекской ССР). Ташкент, 1987. С. 19—20.

как обеспечение их земельными и водными ресурсами. Игнорирование этого вопроса также приводило к неэффективности созданных предприятий и к прекращению их деятельности, ибо землю они получали в качестве вторичных землепользователей, т. е. во временное пользование, и в любое время, по воле первичного землепользователя, могли быть лишены земельного участка. Это создавало определенные трудности и с водообеспечением указанных предприятий, а следовательно, не обеспечивало им гарантированной кормовой базы.

Таким образом, от правильной регламентации правового статуса межхозяйственных предприятий как участников земельных и водных правоотношений во многом зависят их дальнейшая жизнеспособность и эффективная деятельность.

Первый шаг в этом отношении уже сделан принятым в июне 1990 г. Законом Узбекской ССР о земле, ст. 29 которого закрепляет порядок предоставления земель межхозяйственным предприятиям сельскохозяйственного профиля³. В частности, в ней записано: «Межхозяйственным, государственно-колхозным и иным государственно-кооперативным предприятиям и организациям сельскохозяйственного профиля (межколхозным откормочным пунктам, птицеводческим фермам и т. п.) предоставляются земли сельскохозяйственного назначения участников объединения по решению общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных, совета трудового коллектива и администрации этих предприятий, учреждений и организаций...» Земли изымаются из владения хозяйств-учредителей и по решению соответствующих Советов народных депутатов на основании проектов отвода земель должны быть переданы вновь образуемому формированию после принятия компетентным органом решения об их образовании (в данном случае — после утверждения устава межхозяйственного объединения)⁴. Став землепользователем, межхозяйственное сельскохозяйственное предприятие, на основании п. 7 ст. 18 Закона Узбекской ССР о земле, приобретает право «получать воду для полива имеющихся сельскохозяйственных культур, насаждений и других целей из источников орошения и каналов в соответствии с лимитами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР, Узбекской ССР и Каракалпакской АССР».

Но закрепленное в законе право иметь в пользовании земельный участок, т. е. обладать земельной (а в условиях орошаемого земледелия — одновременно и водной) правоспособностью, еще не делает автоматическим межхозяйственное предприятие субъектом права земле- и водопользования. Хотя в юридической литературе существует и другое мнение. В частности, О. С. Колбасов считает, что субъектами права водопользования являются как те, которые реализуют свою правоспособность, фактически пользуясь водами, как и те, которые, имея по закону право пользоваться водами, фактически этого права не осуществляют. Первых он называет водопользователями, вторых к числу таковых не относит, хотя также признает их субъектами права водопользования⁵.

Мы в данном случае придерживаемся мнения Г. А. Аксененка⁶, Н. И. Краснова⁷, А. Е. Еренова и С. Б. Байсалова⁸, Н. Мухитдинова

³ Закон Узбекской Советской Социалистической Республики о земле. Введен в действие с 1 августа 1990 г. // Правда Востока. 1990. 4 июля.

⁴ См. ст. 28 Закона Узбекской ССР о земле.

⁵ См.: Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР. М., 1972. С. 41.

⁶ См.: Аксененок Г. А. Земельные правоотношения в СССР. М., 1958. С. 76.

⁷ См.: Краснов Н. И. Правовой режим земель специального назначения. М., 1961. С. 57.

⁸ См.: Еренов А. и Байсалов С. Право сельскохозяйственного водопользования в Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. С. 71—72.

и Л. Р. Насыровой⁹ и др. и считаем, что для того, чтобы признать межхозяйственное предприятие субъектом права земле- и водопользования, необходимо, чтобы ему были выделены в пользование и закреплены за ним земельный участок и водный объект, только в силу этого оно становится участником конкретного правоотношения. Другими словами, реализовать свою правоспособность и стать субъектом права земле- и водопользования оно сможет лишь в том случае, если будет фактически наделено этими природными ресурсами и выступает в отношении их носителем определенных прав и обязанностей.

В действующем Общем Положении о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве¹⁰ правоспособность и компетенция их в данной области не раскрыты. Общее Положение (п. 38) наделяет межхозяйственное предприятие лишь обязанностью осуществлять мероприятия по охране атмосферного воздуха, почвы и водоемов от загрязнения промышленными и хозяйственными выбросами, сточными водами и отходами производства.

В сельскохозяйственном производстве вода выступает как одно из основных средств производства, которое создает необходимые условия для роста растений и животных. Следовательно, ни одно сельскохозяйственное предприятие, в том числе межхозяйственное, не в состоянии функционировать при отсутствии у него данного средства производства.

Водное законодательство допускает возможность использования вод в хозяйственных целях (кроме нужд животноводства) без специального оформления права водопользования, если водный объект находится на земельном участке, отведенном межхозяйственному предприятию. Межхозяйственное предприятие становится субъектом права общего водопользования, т. е. в данном случае можно говорить, что земельная правосубъектность является предпосылкой водной правосубъектности межхозяйственного предприятия. В то же время при прекращении права землепользования отведенным участком автоматически прекращается и право на пользование данным водным объектом.

Таким образом, в районах орошаемого земледелия субъекты права сельскохозяйственного землепользования не могут быть лишены права водопользования, что имеет важное значение в определении субъективных прав и обязанностей водопользователей.

Межхозяйственное предприятие может быть и субъектом права специального водопользования, осуществляемого с применением сооружений и технических устройств. Водопользование для нужд животноводства, даже без применения водохозяйственных сооружений и устройств, признается специальным, ибо оказывает существенное влияние на состояние вод. Так, по данным специалистов, на крупный рогатый скот, верблюдов, лошадей в расчете на одного животного на обычных фермах расходуют до 40 л воды в сутки, на свиней — 15 л, на овец — 10 л. Особенно возрастает расход воды в промышленно-животноводческих комплексах, что приводит к образованию большого количества сточных вод — 250—300 л в сутки¹¹.

В этих случаях право водопользования оформляется специальным разрешением, порядок выдачи которого установлен Основами водного законодательства (ст. 15), водными кодексами союзных республик (ст. 32 Водного кодекса Узбекской ССР) и постановлением Совета

⁹ См.: Мухитдинов Н. и Насырова Л. Р. Права и обязанности межхозяйственных предприятий в области природопользования и охраны природных ресурсов // Правовое положение межхозяйственных предприятий. Алма-Ата, 1987. С. 114.

¹⁰ СП СССР. 1977. № 13. Ст. 80.

¹¹ См.: Охрана природы в сельском хозяйстве. М., 1982. С. 67.

Министров СССР от 10 июня 1977 г. «О порядке согласования и выдачи разрешений на специальное водопользование»¹² (с изменениями, внесенными постановлением Совета Министров СССР от 11 декабря 1982 г. и от 7 января 1988 г.).

Некоторые особенности имеются при орошении сельскохозяйственных земель из государственных оросительных систем. Основанием возникновения права водопользования в данном случае, помимо разрешения на специальное водопользование, является договор, заключаемый между водохозяйственной организацией (РПРЭО) и хозяйствами. Права и обязанности сторон определяются Уставом эксплуатационной службы органов мелиорации и водного хозяйства СССР и другими нормативными актами.

С 1971 г. в Узбекской ССР организована служба эксплуатации, которая обслуживает на хозрасчетных началах водопойные сооружения, устройства и участки орошения на отгонных пастбищах на землях, предоставленных в пользование колхозам, совхозам, межхозяйственным предприятиям, за счет их средств на договорных условиях. Сельскохозяйственные предприятия передают на баланс обслуживающих организаций всю оросительно-обводненную сеть, последние обеспечивают ремонт и эксплуатацию водопойных пунктов на отгонных пастбищах. Будучи собственниками водохозяйственных сооружений, эксплуатируемых в целях водопользования, эксплуатационные организации также считаются субъектами права водопользования.

И перед межхозяйственными предприятиями, и перед эксплуатационными организациями как субъектами права сельскохозяйственного водопользования стоит основная проблема — рациональное использование водных ресурсов в сельскохозяйственном производстве. А это прежде всего проявляется в содержании правомочий. Вопрос правомочия субъектов, т. е. содержания права пользования природными ресурсами, в том числе водами, дискутируется в юридической литературе. Одни авторы (в частности, О. С. Колбасов¹³) обосновывают включение в число правомочий владение, пользование и распоряжение. Другие (например, авторы учебника «Земельное право». М., 1969) выделяют в содержании права природопользования владение, управление и пользование.

В праве водопользования существуют некоторые особенности в обладании правомочиями, в зависимости от того, осуществляет ли субъект право общего водопользования или право специального водопользования. В праве общего водопользования (если данный объект не выделен в обособленное пользование) вообще отсутствует такое правомочие, как владение, т. е. принадлежность данного объекта данному субъекту, ибо фактически владеет им неопределенное количество водопользователей. Это отмечал в своей работе и С. Байсалов¹⁴, который писал, что в ряде случаев использование водных объектов допускается без права владения ими и, так как право общего водопользования является сугубо личным, не может передаваться или передоверяться, то здесь не может быть и речи о таком правомочии, как распоряжение.

Теперь о содержании указанных правомочий в процессе реализации права специального водопользования. С переходом сельскохозяйственных предприятий на полный хозрасчет, предоставлением им большей самостоятельности расширяется и обновляется содержание правомочий по сельскохозяйственному водопользованию. Этот процесс получил свое дальнейшее развитие с принятием Закона СССР о соб-

¹² СП СССР. 1977. № 19. Ст. 118.

¹³ См.: Колбасов О. С. Указ. соч. С. 68.

¹⁴ См.: Байсалов С. Водное право Казахской ССР. Алма-Ата, 1966. С. 37.

ственности в СССР, где право собственности на природные ресурсы признается за народом, проживающим на данной территории. Владение, пользование и распоряжение природными ресурсами осуществляются союзными и автономными республиками, другими автономными образованиями в своих интересах и в интересах Союза ССР (ст. 20 Закона СССР о собственности в СССР).

Право владения основывается на возможности субъекта права сельскохозяйственного водопользования владеть (фактически обладать) водой, добытой из водных источников. Право владения принадлежит прежде всего тем субъектам, которые являются владельцами на правах собственности или оперативного управления водохозяйственных сооружений и устройств, при помощи которых они осуществляют пользование водой, забранной из водного объекта. Это правомочие имеет важное значение, ибо закрепляет произведенное собственником вод — местными Советами — распределение их между сельскохозяйственными и водохозяйственными предприятиями и позволяет установить определенный порядок при эксплуатации мелноративных систем, требуя от пользователей должного поведения. С введением с января 1991 г. платы за водопользование вода как природный ресурс будет передаваться в первую очередь водохозяйственным организациям, которые должны вносить данную плату в бюджет местного Совета, а затем на основе заявок сельскохозяйственных предприятий распределять ее между водопользователями, получая с них оплату за подачу воды. Таким образом, правом владения в первую очередь будут обладать водохозяйственные организации, а лишь потом получившие от них воду сельскохозяйственные предприятия.

Правомочие пользования водой заключается в праве сельскохозяйственных водопользователей, в данном случае межхозяйственных предприятий, на получение или отвод воды из водных объектов и потребление ее в целях ведения сельскохозяйственного производства.

О. С. Колбасов в своих работах, говоря о сельскохозяйственном водопользовании, выделил три этапа процесса сельскохозяйственного орошения, которые получили общее одобрение в юридической литературе: на первом этапе вода подается из водного источника, затем ее транспортируют и распределяют между пользователями и на третьем этапе осуществляется орошение сельскохозяйственных земель. Каждый из этих этапов реализуется посредством самостоятельного вида водных правоотношений, возникающих между различными субъектами права водопользования.

На первом этапе взаимные права и обязанности возникают между органами по регулированию использования и охране вод и эксплуатационными водохозяйственными организациями. В процессе подачи воды устанавливаются права и обязанности по поводу пользования водой межхозяйственных оросительных систем между водохозяйственными и сельскохозяйственными предприятиями. Эксплуатационная организация выступает как водопользователь в момент забора воды из водного объекта, является органом внутриводохозяйственного управления в пределах межхозяйственной системы. Сельскохозяйственные предприятия, становясь хозяйствами-водопользователями, также осуществляют управление водами в рамках внутриводохозяйственной оросительной системы.

Как уже отмечалось выше, отдельные авторы, в частности Т. Г. Калинин, в качестве отдельного правомочия выделяют внутриводохозяйственное управление. Он обосновывает свою позицию тем, что оно не представляет собой право пользования водами, а направлено лишь на создание необходимых организационно-хозяйственных условий для рационального использования вод. В систему внутриводохозяйственного управления землями государственного лесного фонда, пред-

ставленную О. И. Крассовым, им включаются следующие элементы: а) учет воды, поступающей по межхозяйственным и внутрихозяйственным мелиоративным системам; б) распределение и закрепление полученной воды за водопользователями и их производственными подразделениями; в) предоставление вод во вторичное пользование; г) контроль за использованием воды¹⁵.

На наш взгляд, это несколько спорное утверждение. Нам думается, что предоставление вод во вторичное водопользование и распределение их между внутрихозяйственными подразделениями — это элементы правомочия распоряжения.

Но как бы то ни было, межхозяйственные сельскохозяйственные предприятия как субъекты права водопользования обладают всеми указанными выше правомочиями по владению, пользованию и распоряжению водными ресурсами, предоставленными им для ведения сельскохозяйственного производства. При этом, осуществляя свои правомочия, межхозяйственные предприятия не должны ущемлять права водопользования других субъектов. И это необходимо закрепить в Общем Положении о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве.

¹⁵ См.: Калинин Т. Г. Право сельскохозяйственного водопользования. М., 1989. С. 49.

А. М. КАДЫРОВ

СТОИМОСТНЫЕ И НАТУРАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В РЕГИОНЕ

Одной из центральных задач социально-экономической и аграрной политики на современном этапе является всемерное удовлетворение потребностей населения страны в продуктах питания. Особое значение эта проблема имеет в Узбекской ССР, которая отличается рядом важных особенностей, связанных со спецификой природно-хозяйственных условий и структуры сельскохозяйственного производства. Так, в регионе из-за ограниченности водных ресурсов экстенсивные методы вовлечения дополнительных орошаемых земель в сельскохозяйственное производство практически исчерпаны, а сложная демографическая обстановка затрудняет обеспечение населения города и села продовольственной продукцией.

В этих условиях важной задачей перспективного планирования выступает установление оптимальных пропорций между межотраслевыми комплексами АПК. При этом общим критерием эффективности можно считать достижение рациональных норм потребления продуктов питания на душу населения. Перспективные расчеты развития отраслей агропромышленного комплекса региона ныне базируются на рациональных нормах потребления, которые даются республике директивно Госпланом СССР. Но потребность в продуктах питания имеет четкие физиологические границы, отклонение от которых отрицательно влияет на организм человека. Наличие таких границ с учетом системы конкретных социально-экономических факторов (рост численности населения и изменение его социально-демографической структуры, динамика доходов и платежеспособного спроса на продовольственные товары, природно-климатические условия и др.) требует разработки дифференцированных норм питания как научно обоснованного критерия обеспечения потребностей населения республики в продуктах питания в необходимом количестве, качестве и ассортименте.

Вместе с тем исследования уровня потребления продуктов питания в союзной республике нельзя вести изолированно от динамики

этого процесса по стране в целом. В этой связи объективно необходимо определение степени региональной дифференциации и методических подходов к изучению реального уровня потребления продуктов питания на душу населения.

Методологической основой выявления взаимосвязи производства и потребления продуктов питания в регионе является оценка уровня развития и специализации агропромышленного производства с уровнем личного потребления. В этой взаимосвязи заключаются единство экономического и социального развития региона, выполнение им функций составной части единого народнохозяйственного комплекса страны и обеспечение расширенного воспроизводства населения республики.

Научно обоснованное планирование уровня потребления населения должно учитывать региональные факторы дифференциации данного процесса, комплексную оценку их влияния на количественные параметры потребления как в настоящем, так и в прогнозируемом периоде. Оценка степени региональной дифференциации уровня среднелюдиного потребления населения между союзными республиками показывает значительные колебания по отдельным видам продукции. Но вместе с тем принятые методы сравнения только количественного уровня среднелюдиного потребления и точка зрения о необходимости всемерного их сближения с союзными параметрами не всегда могут быть признаны оправданными и не учитывают региональных факторов дифференциации данного процесса.

Ф. Энгельс, как известно, указывал, что абсолютное равенство потребления населения не будет достигнуто и в коммунистическом обществе в силу различий в потребностях людей и условиях их проживания¹. Принципиальное значение здесь приобретает выявление всех социально-демографических и экономических процессов в регионе, оказывающих дифференцирующее влияние на среднелюдиное величину потребности в продуктах питания. И при определении перспективной потребности населения региона в продуктах питания следует учитывать влияние этих факторов. Отправными моментами анализа в данном случае должны выступать такие основные факторы, как:

- демографические, учитывающие различие в половозрастной структуре населения, средние размеры семей, темпы роста населения;
- природные, связанные с существующими по стране резкими различиями природных условий, детерминирующих в силу этого объективно дифференцированное потребление основных видов продуктов питания;
- национальные, связанные с существующими различиями культурно-бытовых традиций;
- социальные, обусловленные структурными различиями в соотношении городского и сельского населения, занятых умственным и физическим трудом;
- экономические, связанные со структурой народного хозяйства, реальные доходы населения, удельный вес личного подсобного хозяйства и др.

Роль данных факторов в процессе потребления населения наиболее конструктивно может быть объективно учтена в физиологических нормах, разрабатываемых в регионах. Это потребует проведения комплекса медико-социальных исследований, позволяющих аккумулировать действие указанных факторов. Физиологические нормы потребления характеризуют объективно обусловленную потребность населения независимо от его денежных доходов и платежеспособного спро-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 104.

са. Разработка специалистами научно-исследовательских учреждений республики научно обоснованных норм питания и учет экономических факторов позволили бы закладывать в перспективные расчеты реальную нормативную базу, характеризующую уровень жизни населения.

При прогнозировании обеспеченности региона продовольственными ресурсами в первую очередь следует проанализировать изменение в соотношении объемов продукции собственного производства и завозимой для удовлетворения местных нужд. Одновременно необходимо изучить степень использования продуктов собственного производства, т. е. определить долю, оставляемую в регионе, и сопоставить ее с долей продукции, вывозимой за его пределы. Это позволит полнее познать закономерности пространственной дифференциации в территориальном разделении труда и прогнозировать межрегиональные связи.

Количественные показатели обеспеченности населения продуктами питания определяются отношением величины собственного производства сельскохозяйственных продуктов (за вычетом производственного потребления, потерь, с учетом ввоза и вывоза) к региональной норме потребления:

$$K_0 = \frac{S_i^t \pm V_i^t}{\Pi^t} : N_i^t,$$

где K_0 — индекс обеспеченности;

S_i^t — объем производства сельскохозяйственного продукта (за вычетом производственного потребления и потерь) за период t ;

V_i^t — объем вывоза или ввоза i -го продукта за период t ;

Π^t — среднегодовая (за период t) численность населения региона;

N_i^t — рациональная норма потребления i -го продукта.

Главное направление в совершенствовании территориальной организации АПК связано с эффективным использованием всего природно-экономического региона путем рационального размещения и углубления специализации отраслей сельского хозяйства, ибо не все регионы имеют необходимые для самообеспечения ресурсы. При прогнозировании межрегиональных связей следует, используя индекс самообеспеченности, провести разделение регионов на группы, где:

— природно-экономические ресурсы позволяют довести производство продуктов питания до размеров, удовлетворяющих потребности населения только в малотранспортабельной продукции, а оставшаяся часть должна ввозиться ($K < 1$);

— имеющиеся ресурсы позволяют довести производство продуктов до размеров, полностью удовлетворяющих потребности населения в них за счет собственного производства ($K = 1$);

— ресурсы позволяют в перспективе производить продукты в размерах, превышающих местную потребность ($K > 1$).

Анализ и группировка районов по соотношению производства и потребления сельскохозяйственной продукции показывают, что межрайонные экономические связи имеют место во всех группах, однако конкретное содержание этих связей и значение их отдельных сторон существенно различны. Сложившаяся специализация агропромышленного комплекса республики оказывает значительное влияние на процесс производства и потребления продуктов питания на душу населения.

Наши расчеты показывают, что доля собственного производства к региональным нормам потребления составила: мяса — 31%, молока — 51%, яиц — 53%, картофеля — 30% и т. д. Это ведет к увеличению объема и ассортимента завозимых в республику продуктов

питания, росту транспортных и других затрат. Если учесть принятую у нас методику оценки потребления мяса, куда включаются сало, жир и субпродукты (причем сало приплюсовывается к мясу в калорийном эквиваленте), а мясо птицы учитывается с потрохами, то уровень потребления мяса окажется еще намного ниже. В развитых странах, в том числе в США, мясо рассчитывается лишь по весу туши, без жира и субпродуктов, а мясо птицы включает только полностью потрошенную продукцию.

Указанная ситуация усугубляется нерациональной структурой питания, где преобладают хлебо-булочные изделия, растительное масло, и достигнутый уровень калорийности обеспечивается в основном за счет этих продуктов. Доля животноводческой продукции в общей калорийности питания составляет в рационе рабочих и служащих республики 25%, а в семьях колхозников — только 11%. В среднем же по Союзу в рационе питания продукция животноводства составляет 27—30%, а в странах с высоким уровнем развития — до 40%. У нас этот показатель за последние годы практически не растет. Значительные структурные различия в питании населения в СССР и странах с высоким уровнем развития характерны и для разного рода плодово-овощной продукции, уровень ее потребления отстает от рациональных норм. Свежие скоропортящиеся овощи, фрукты и виноград практически недоступны населению в течение года, за исключением короткого периода сбора урожая. Между тем потребность человека в продовольствии, в отличие от потребности в других товарах, в значительной мере обусловлена физиологически, и недостаточный уровень питания, нерациональная структура его приводят к отрицательным последствиям для организма человека. Учитывая половозрастную структуру населения (где преобладает молодежь до 30 лет), высокие темпы естественного прироста населения, эти вопросы требуют весьма серьезного исследования.

На потребление продуктов питания в городе и на селе значительное влияние оказывает неравномерное распределение рыночного фонда. Низкий уровень потребления в семьях колхозников связан с характером источников удовлетворения этих потребностей, среди которых значительную долю составляет личное подсобное хозяйство. Завозимые в регион продукты питания, в том числе продукция животноводства, фактически распределяются лишь в городах.

Важной задачей планирования продовольственного обеспечения является определение емкости регионального рынка продовольственных товаров. При планировании товарооборота и емкости рынка необходимо, наряду с учетом количественных параметров потребления продуктов питания, применение стоимостной оценки рационов питания, что позволяет учесть влияние основных факторов на емкость рынка, тенденции к рационализации потребления, структурные сдвиги в потреблении под влиянием изменения распределения социально-экономических групп по уровню денежных доходов. Емкость регионального рынка продовольственных товаров зависит, с одной стороны, от платежеспособного спроса населения, а с другой, — от возможностей местного производства, ввоза и вывоза продуктов питания. Таким образом, при планировании емкости необходимо рассматривать вопросы производства и потребления продовольствия в органическом единстве и взаимосвязи, что достигается путем увязки расчетов емкости рынка и баланса производства и распределения продовольственных продуктов.

Стоимостную оценку потребления продовольственных товаров в научной литературе рекомендуется осуществлять в единых розничных ценах в расчете на душу населения². При этом исходят из того, что

² Узун В. Я. Целевые программы развития АПК. М., 1984. С. 67.

различные цены учитывают ассортимент и качество продовольственных товаров, а в нашей стране они достаточно устойчивы. Однако такой подход не учитывает различной стоимости одного и того же объема потребления населения в каждом конкретном регионе страны, связанной как с дифференциацией розничных цен, так и с различным, обусловленным спецификой региона рациональным набором товаров и продуктов, потребляемых населением. Различная по регионам роль личного подсобного хозяйства и связанное с ним значительное колебание объемов нетоварного потребления продуктов питания и продажи их на колхозном рынке ведут к существенной дифференциации стоимости потребления. При этом чем выше доля личного подсобного хозяйства в регионе, тем ниже стоимость потребления продуктов питания для местного населения.

Таблица 1

Показатели	1930 г.	1985 г.	1988 г.	1988 г. в % к 1980 г.
Совокупные доходы населения*:				
рабочих промышленности	3441,7	4539,1	4842,4	109
колхозников	5258,3	5551,6	5509,3	105
Розничный товарооборот всего, млн. руб.	10 333,3	13 416,8	15 206,3	147
в т. ч. продовольственные товары	45 9,6	1 777,4	6 415,9	140
Расходы на питание:				
рабочих промышленности	1855,4	1893,7	1954,5	105
колхозников	2423,8	2614,1	2632,0	111
Удельный вес расходов на питание в использовании совокупного дохода семей, %:				
рабочих промышленности	41,7	41,7	40,4	-1,3
колхозников	46,1	47,1	48,9	+2,8

* Совокупный доход в среднем на семью за год, руб.

Расчет совокупной стоимости потребления продуктов питания осуществляется по формуле:

$$V = \sum_i^n p_{ij}^R \cdot N_{ij} + \sum_i^n p_{ij}^k \cdot N_{ij}$$

где: V_j — стоимость рационального уровня потребления продуктов питания на душу населения;

P_{ij} — средневзвешенная (с учетом источников поступления) цена продукта питания i в регионе j ;

N_{ij} — рациональная региональная среднедушевая норма потребления продукта i .

Средневзвешенная цена потребления конкретного продукта с учетом структуры городского и сельского населения и источников покрытия рационов питания позволяет дать реальную оценку доли расходов на продукты питания в потребительском бюджете населения региона. Это имеет немаловажное значение, поскольку составление рациональных потребительских бюджетов населения на региональном уровне находится еще на стадии разработок.

В целях выявления степени дефицитности отдельных товаров необходимо проанализировать объемы их реализации и цены в государственной розничной торговле и на колхозном рынке. Коэффициент дефицитности товаров может быть вычислен по формуле:

$$K = C_2 : C_1$$

где: C_1 — цена товара в государственной розничной торговле;

C_2 — средняя цена реализации товара на колхозном рынке. Анализ коэффициента дефицитности в динамике раскрывает тенденции в удовлетворении спроса.

Существующий уровень потребления населения региона наиболее полно отражает его реальные доходы. В целях обоснования емкости рынка продовольственных товаров на перспективу следует рассмотреть совокупность определяющих его факторов. Для этого необходимо произвести ретроспективный анализ динамики денежных доходов и расходов населения, розничного товарооборота, его товарной структуры, конъюнктуры рынка продовольственных товаров. Анализ баланса совокупных доходов и расходов населения УзССР свидетельствует о росте расходов на питание (табл. 1).

Доля расходов на приобретение продовольственных товаров растет, особенно в семьях колхозников. Рассчитанные по данным советской статистики для городских жителей потребительские расходы семьи из четырех человек с двумя работающими показывают, что расходы на питание (без алкоголя) превышают 50%. Для сравнения: в США этот показатель был ниже более чем в 3 раза.

По мнению советских и зарубежных ученых, доля затрат на питание в потребительских расходах семей может служить адекватным показателем материального уровня жизни: чем она ниже, тем, как правило, выше уровень жизни и, в частности, уровень потребления в целом.

Из анализа структуры расходов совокупного дохода населения видно, что в семьях рабочих и служащих, где достигнут относительно более высокий уровень потребления продуктов питания, расходы на питание за 1980—1988 гг. снизились на 1,3 пункта. В этих семьях более быстрыми темпами растет потребление товаров среднего и особенно длительного пользования.

При определении денежных доходов населения на перспективу следует учесть сдвиги в соотношении численности городского и сельского населения, в структуре народного хозяйства региона и другие факторы, что необходимо для правильного определения емкости рынка, планирования объема и структуры производства продовольственных товаров, их вывоза и ввоза. Важным аспектом анализа является оценка источников поступления продовольственной продукции, вариации которой будут определять емкость рынка с учетом средневзвешенных цен потребления.

Всесторонний анализ уровня производства и потребления в регионе продукции АПК позволит лучше обосновать перспективы развития продуктовых подкомплексов и оптимизировать межотраслевые пропорции комплекса в интересах более полного удовлетворения потребностей населения региона в продуктах продовольственного назначения.

С. И. ТАНСЫКБАЕВА

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПАКИСТАНА

70—80-е годы нашего столетия характеризуются резким усилением роли ислама в жизни мусульманских государств зарубежного Востока. Одно из них — Пакистан, где вопрос о роли ислама является одной из главных проблем на протяжении всего периода независимого развития страны. Однако роль ислама в жизни пакистанского общества была различной на разных исторических этапах.

Как известно, идеологическим обоснованием создания самостоятельного государства индийских мусульман — Пакистана — явилась концепция «мусульманского национализма». Эта концепция выдвигает

гала в качестве определяющего признака национальной общности принцип религиозной веры и опиралась на положение о существовании в Индии двух «наций»: индусов и мусульман.

Исходя из этой концепции, идеологи «мусульманского национализма» обосновывали необходимость самоопределения индийских мусульман в самостоятельное государство. Одна из основных причин массовой поддержки этой идеи заключалась в том, что для «многих индийских мусульман, которые поддержали своих лидеров, исламское государство Пакистан символизировало осуществление их надежд и чаяний: избавление от нужды, страданий и эксплуатации»¹.

Поэтому до 1947 г. ислам выступал как универсальный фактор интеграции индийских мусульман в антиколониальной национально-освободительной борьбе, принявшей религиозную окраску и проходившей под лозунгом создания самостоятельного государства индийских мусульман.

Однако после образования Пакистана роль ислама изменилась, что было связано с проблемой решения ключевого вопроса — о форме государственного устройства и структуре власти, а также не менее важного — национального вопроса. В последнем определяющую роль сыграла трансформация «мусульманского национализма» в национализм государственный — пакистанский.

В основанной на исламе официальной идеологии «пакистанского национализма» доминирующая роль в определении национальной общности отводилась государственной принадлежности. Согласно этой теории, в одном государстве объединяются все граждане страны, которые объявляются единой нацией — пакистанской. Такие национальные особенности населяющих Пакистан народов, как этническая и языковая принадлежность, национальная самобытность, в официальной доктрине отрицались, отрицалась и идея национального самоопределения.

В декларативном характере теории единой пакистанской нации имманентно были заложены противоречия, которые проявились вскоре после образования Пакистана. Ислам, ставший основой господствующей идеологии, не способствовал стабильности этнически разнородного пакистанского общества. Это было обусловлено нерешенностью основных социально-экономических проблем, а также национального вопроса.

Национально-освободительная борьба бенгальцев Восточного Пакистана, завершившаяся образованием Народной Республики Бангладеш на национальной и секулярной основе, а также непрерывавшиеся национальные движения синдхов, белуджей и пуштунов в Западном Пакистане за национальную автономию свидетельствовали о том, что ислам не выступал больше в роли универсального интегратора в жизни этнически, лингвистически и конфессионально неоднородного пакистанского общества. На первый план в общественной жизни страны закономерно выступили факторы социально-экономического и этнического характера. Как подчеркивала газета «Нью эйдж», «отказавшись от прошлого, новое государство (Пакистан. — С. Т.) надеялось объединить народ во имя религии только для того, чтобы обнаружить позже, что религия не была такой мощной цементирующей силой»².

Напуганные угрозой дальнейшей дезинтеграции страны правящие круги прилагали все усилия для упрочения своего положения. Одним из важнейших средств достижения этой цели они считали усиление роли ислама в жизни пакистанского общества.

¹ Bulletin of Concerned Asian Scholars. Winter. 1972. Vol. 4. N 1. P. 103.

² New age. 4. I. 1987.

В этой связи важное значение имеет рассмотрение вопроса о роли ислама в решении, как уже говорилось, ключевого вопроса — о государственном устройстве страны и структуре власти. Вопрос этот встал перед Пакистаном сразу же после его образования. Вокруг него развернулась многолетняя упорная борьба.

В течение всего периода независимого развития Пакистана по этому вопросу сталкивались две концепции — модернистская и традиционалистская и неотрадиционалистская. Приверженцы первой концепции высказывались за светскую форму власти, парламентскую форму правления. Сторонники второй — настаивали на создании государственной структуры, основанной на принципах ислама.

Лидер движения за образование Пакистана М. А. Джинна, которого называют «Отцом Пакистана», неоднократно заявлял о светском характере государства. Так, обращаясь 11 августа 1947 г. к членам Учредительного собрания Пакистана, он сказал: «Вы можете исповедовать любую религию, принадлежать к любой касте, придерживаться любого кредо — это не имеет ровно никакого отношения к делам государства. Мы начинаем с основополагающего принципа, подразумевающего, что все мы — граждане, равноправные граждане одного государства... Пройдет время, и индусы перестанут быть индусами, мусульмане — мусульманами, не в религиозном, конечно, смысле, так как это дело личной веры каждого человека, а в политическом смысле, как гражданина государства»³.

Однако М. А. Джинна «скончался до того, как могло иметь место какое-либо преобразование социальной и политической системы нового государства по демократическому пути»⁴.

В начальные годы (1947—1956) независимого развития Пакистана, до принятия первой конституции (1956 г.), управление страной по сути осуществлялось еще на основе «Акта об управлении Индией 1935 г.», дополненного отдельными положениями «Закона о независимости Индии 1947 г.».

Одним из стержневых вопросов, вокруг которого развернулась ожесточенная борьба после смерти М. А. Джинны, был вопрос о характере конституции. От исхода этой борьбы зависело, быть Пакистану теократическим или светским государством. В этой борьбе принимали участие различные группировки, представляющие интересы как правящего блока крупной буржуазии и помещиков, так и мусульманских богословов.

Наиболее дальновидные представители буржуазии в интересах своего класса выступали за преобразование отсталой социально-экономической структуры пакистанского общества. Крупные помещики, стремившиеся сохранить свои феодальные привилегии, были против любых преобразований. Традиционалисты и нетрадиционалисты выступали за возрождение классических форм мусульманского общества, т. е. за создание теократического общества, в котором исламской доктрине должны быть подчинены политические и социальные институты⁵.

Характеризуя позицию пакистанских мусульманских богословов (улемов, ортодоксов) по вопросу о государственности Пакистана, президент Айюб Хан подчеркивал, что «настоящая их цель заключа-

³ Подробнее см.: Selected Speeches and Statements of the Qaid-i-Azam Mohamad Ali Jinnah: 11—34 and 47—48. Lahore, 1968.

⁴ Ziaul Haque. Pakistan and Islamic Ideology//The Roots of Dictatorship: The Political Economy of a Praetorian State. L.—N. Delhi, 1983. P. 377.

⁵ Подробнее см.: Syed M. A. Modernism, Traditionalism and Islamization in Pakistan//Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. 1985. Vol. VIII. P. 68; Shafiqat S. Political System of Pakistan and Public Policy: Essays in Interpretation. Lahore, 1989. P. 91—93.

лась в возрождении государства улемов и подтверждении их права возглавить общину»⁶.

В процессе выработки первой конституции страны ввиду нехватки соответствующих политических институтов и профессиональных кадров были сохранены основные положения управления и административного устройства Пакистана, заимствованные из законодательства колониального периода. По существу продолжала функционировать государственная машина, созданная колонизаторами.

Вместе с тем форма государственности отличалась от колониальной модели тем, что руководящие принципы государственной политики не должны были противоречить предписаниям ислама. Хотя модель государственного устройства, предложенная улемами, была отклонена как анахронизм политическими деятелями Пакистана, последние вынуждены были считаться с влиянием улемов в жизни пакистанского общества и пойти на компромисс путем установления связи между традициями и современностью. И в целом три десятилетия независимого развития Пакистана (1947—1977) характеризуются как период компромисса пакистанских правительств с мусульманскими богословами. Об этом свидетельствует включение в конституции 1956, 1962 и 1973 гг. отдельных рекомендаций улемов, представленных ими как установления ислама.

Так, по конституции 1956 г., Пакистан объявлялся федеративной республикой, именуемой «Исламская Республика Пакистан», во главе с президентом, который должен быть мусульманином, все существующие законы должны быть приведены в соответствие с Кораном и Сунной и не должны приниматься новые законы, противоречащие исламу. Как подчеркивает пакистанский исследователь Иштиак Ахмед, «хотя конституция (1956 г. — С. Т.) не отвечала идеалам улемов, они не отклонили ее, поскольку статья об исламизации законов интерпретировалась как основное обязательство к верховенству шарната»⁷.

Однако парламентская форма правления, введенная в стране по конституции 1956 г., заимствованная из колониального прошлого и дополненная элементами традиционализма, не соответствовала реальному содержанию многоукладных и многоликих социально-экономических и национально-этнических структур пакистанского общества. Неспособность государства решить неотложные задачи, стоящие перед обществом (преодоление отсталости, развитие национальной экономики и культуры и т. д.), имела непосредственным результатом рост политической и социальной напряженности, выливавшийся в неоднократные политические кризисы и смену власти.

В 1958 г. в результате военного переворота к власти пришел режим Айюб Хана. Мероприятия режима по модернизации государственного аппарата и системы органов местного самоуправления были направлены на то, чтобы создать президентскую систему управления страной. Законный характер такой форме правления придала конституция 1962 г.

Согласно этой конституции, Пакистан объявлялся республикой, слово «исламский» в ней было опущено. Однако под давлением ортодоксальных улемов в 1963 г. была принята поправка к конституции, вновь переименовавшая «Республику Пакистан» в «Исламскую Республику Пакистан». В конституции 1962 г. были сохранены статьи относительно того, что все законы должны быть приведены в соответствие с предписаниями ислама и вновь принимаемые законы не должны противоречить ему. Для консультации по исламизации зако-

⁶ Ayub Khan M. *Friends not Masters: A Political Autobiography*. Lahore, 1967. P. 203.

⁷ Ahmed I. *The Concept of an Islamic State: An Analysis of Ideological Controversy in Pakistan*. L., 1987. P. 220.

нов создавались Консультативный совет по исламской идеологии и Институт исламских исследований во главе с модернистом Фазлур Рахманом⁸.

В период пребывания у власти гражданского правительства З. А. Бхутто (1971—1977) несмотря на то, что президентская форма правления сменилась парламентской, происходило постепенное усиление роли ислама в политической жизни страны. Впервые в истории независимого Пакистана по конституции 1973 г. ислам был провозглашен государственной религией (ст. 2)⁹.

В конституции среди принципов политики государства содержалось требование обеспечить мусульманам Пакистана образ жизни в соответствии с основными принципами ислама (ст. 31, п. 1). Для мусульман обязательно изучение Корана (ст. 31, п. 2). Президентом и премьер-министром страны могут быть только мусульмане. Согласно ст. 227, все законы государства должны соответствовать исламу. Для определения этого соответствия учреждался Совет исламской идеологии¹⁰.

Под давлением растущего недовольства населения ухудшением экономического положения, а также усиления оппозиции правых исламских партий («Джамаат-и-ислам», «Джамаат-уль-улама-и-ислам» и др.), использовавших ислам для мобилизации народных масс против правительства З. А. Бхутто, последнее для стабилизации положения заявило об исламских реформах. Суть их заключалась в объявлении пятницы нерабочим днем, в запрете употребления алкогольных напитков и участия в азартных играх и скачках.

Очередной уступкой требованиям ортодоксальных улемов явилось санкционирование З. А. Бхутто принятого парламентом закона 1974 г., объявившего секту ахмадийя немусульманским меньшинством¹¹.

Изменения в позиции правящей Партии пакистанского народа (ППН), возглавлявшейся З. А. Бхутто, нашли отражения в предвыборном манифесте партии 1977 г., в котором она обещала сделать изучение Корана интегральной частью на всех уровнях образования; восстановить традиционно высокий статус мечети как центра обучения; создать федеральную академию улемов для обучения имамов и хатибов мечетей; превратить обители (ханака) почитаемых святых в центры изучения ислама; увеличить льготы для совершения хаджа (паломничества), усилить Институт исламских исследований¹².

Эти положения предвыборного манифеста ППН свидетельствовали о постепенном вытеснении из официальной идеологии радикальных направлений и начале процесса усиления неотрадиционализма в жизни пакистанского общества. Придавая особое значение исламу, режим З. А. Бхутто стремился восстановить доверие народных масс и упрочить свое положение внутри страны и среди мусульманских стран. Тем не менее, как подчеркивает известный пакистанский специалист по исламу С. Куреши, «хотя правительство З. А. Бхутто и сделало ряд уступок ортодоксальному исламу, проблема исламизации страны оставалась нерешенной»¹³.

Вместе с тем отдельные пакистанские исследователи считают, что начало исламизации положено именно при режиме З. А. Бхутто¹⁴.

⁸ Ahmed I. Op. cit. P. 220—221; Shafiqat S. Op. cit. P. 96.

⁹ The Constitution of Islamic Republic of Pakistan. Islamabad, 1975. P. 3.

¹⁰ The Constitution of Islamic Republic of Pakistan. P. 16, 104—105; Пакистан: Справочник. М., 1977. С. 95.

¹¹ Shafiqat S. Op. cit. P. 99—100.

¹² Hassan R. Islamization: An Analysis of Religious, Political and Social Changes in Pakistan//Middle Eastern Studies. 1985. Vol. XXV. N 3. P. 264.

¹³ Qureshi S. The Islamic Politics of the Military: Pakistan's domestic choices and international implications. A report to the International Political Science Association World Congress. Moscow, August 12—18, 1979. М., 1979. P. 21.

¹⁴ Iqbal A. Islamisation of Pakistan. Delhi, 1984; Shafiqat S. Op. cit.; etc.

Программа исламизации режима Зия-уль-Хака отличалась от исламских мероприятий З. А. Бхутто. Главной ее целью было создание исламского государства, на что и направлена была политика исламизации, провозглашенная Зия-уль-Хаком и предусматривавшая преобразования на основе исламской системы всех сторон общественной жизни: правовой, экономической, социальной.

Исламизация всех сторон общественной жизни проявилась в вовлечении в сферу религиозного (исламского) санкционирования различных форм общественного и индивидуального сознания, поведения и деятельности людей, институтов. Для достижения этой цели была учреждена система шариятских судов для пересмотра существующих законов и приведения их в соответствие с предписаниями ислама, был создан «институт исламских судей — кази, призванных обеспечить соответствие процедуры гражданских судов исламским законам»¹⁵. Была узаконена исламская система наказаний (худуд), предусматривающая ампутацию конечностей за воровство, публичную порку за употребление алкоголя и забивание камнями до смерти за супружескую неверность.

Мероприятия по исламизации осуществлялись и в сфере образования и культуры. Соответственно задачам исламизации особое значение придавалось религиозному образованию: были пересмотрены учебники, программы радио и телевидения. На базе шариятского факультета был создан исламский университет. Новая политика в сфере образования, ставившая своей целью поощрение религиозного образования путем развития школ при мечетях, признание религиозных степеней, предложенных мадраса, а также назначение в 1984 г. 100 тыс. служителей культа в сельской и городской местности, способствовала повышению статуса служителей культа как в обществе, так и в армии¹⁶.

Контроль за соблюдением исламских законов и запретов в сфере искусства, литературы, образования осуществлял специальный Исламский идеологический совет.

Осуществление программы исламизации экономики началось с возрождения традиционных исламских налогов «закят» (налог, взимаемый с имущества богатых в пользу бедных) и «ушр» (налог с сельскохозяйственной продукции).

Пропагандируя исламизацию налоговой системы, Зия-уль-Хак ссылался на то, что средства, собранные по закону о «закяте» и «ушре», будут направлены на удовлетворение нужд вдов, людей преклонного возраста, на обеспечение медицинского обслуживания бедняков и образования нуждающихся студентов¹⁷.

Говоря о социальной значимости и последствиях исламизации налоговой системы, следует отметить, что возрождение исламского налога «ушр» ухудшило и без того тяжелое положение сельских трудящихся. Пакистанская газета «Пакистан таймс» подчеркивала в связи с этим, что «земледельцы помимо «ушра» и «закяга» уже платят земельный налог, налог на воду, местные налоги и налоги на развитие. Эти налоги введены из расчета на один гектар без учета реально получаемого урожая»¹⁸.

Положение мелких собственников ухудшилось в связи с тем, что с введением закона об «ушре», заменяющего взимание земельного налога, на нет сводилось действие законопроекта, принятого в ноябре 1975 г. и освободившего от всех форм налогового бремени мелких и

¹⁵ Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 182.

¹⁶ Shafiqat S. Op. cit. P. 47.

¹⁷ Viewpoint. 15. VI. 1980. P. 12.

¹⁸ The Pakistan Times. 27. VIII. 1983.

мельчайших владельцев, составляющих 85% всех земельных собственников страны. Подчеркивая это, пакистанская печать отмечала, что «введение «ушра» уничтожило в большинстве случаев все преимущества от освобождения от уплаты земельного налога»¹⁹.

Как показывают события последних лет, осуществление исламского налогообложения натолкнулось на многие трудности, главная из которых заключалась в различном подходе разных мусульманских общин и сект (шиитов, исмаилитов, ахмадийа), каждая из которых «имеет свое представление об основных традиционных мусульманских налогах, а то и свои собственные налоги, свой порядок их сбора и расходов, причем тратятся они только на нужды данной общины.

...Хотя выходцы из этих общин составляют относительно небольшую часть мусульман Пакистана (не более 15% их общей численности), они занимают заметное место среди его господствующих классов и социальных слоев.

...Поэтому лидеры различных мусульманских общин потребовали, чтобы по отношению к каждой из них применялось ее обычное право, чтобы каждая из таких общин сама собирала налоги и сама тратила собранные средства на собственные нужды в соответствии со своими традициями»²⁰.

Если большинство суннитов поддержали программу исламизации налоговой системы, то шиитская община, например, воспротивилась принудительному взысканию «закята». Под давлением массовых демонстраций и сидячих забастовок, организованных шиитами в июле 1980 г., режим Зия-уль-Хака вынужден был внести в закон о «закяте» поправки, которые давали право шиитам и членам других сект и общин заменить «закят» и «ушр» своими традиционными налогами. Следствием принятия этой поправки, как подчеркивала пакистанская печать, явилось то, что «многие объявляли себя шиитами только для того, чтобы избежать уплаты «закята»²¹.

С трудом проходила кампания по сбору «ушра», который явился дополнительным бременем для мелких и средних земледельческих хозяйств. Положение их в конце 70 — первой половине 80-х годов ухудшилось в связи с увеличением на 25% налога на воду (в Пенджабе) и сокращением субсидий государства на такие элементы производства, как удобрения, пестициды, высокоурожайные семена и т. д.

Что касается зажиточных слоев деревни, то льготы, предоставляемые им законом (освобождение от уплаты «ушра» или земельного налога в случае уплаты налога на вложение капитала в сельскохозяйственное производство) позволили им скрывать действительные размеры их доходов.

На недостатки и прямые злоупотребления в ходе функционирования религиозно-налоговой системы обращает внимание ряд западных и пакистанских исследователей, подчеркивая, что она действует в интересах бизнесменов и крупных землевладельцев, утаивших сведения о подлинных размерах своего капитала»²².

В пакистанской печати появлялись сообщения о злоупотреблениях отдельных председателей и членов комитетов по «ушру» и «закяту» в распределении фондов и других нарушениях»²³.

Избирательное распределение даже ограниченных средств фондов «закята» открыло двери коррупции и фаворитизму. Имелись недо-

¹⁹ Viewpoint. 1983. Vol. VIII. N 50. P. 5.

²⁰ Левин С. Ф. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М., 1983. С. 230, 231.

²¹ Viewpoint. 1983. Vol. VIII. N 50. P. 50.

²² Esposito J. L. Islamisation: Religion and Politics in Pakistan//Muslim World. 1982. Vol. 72. N 3/4; Ziaul Haque. Pakistan and Islamic Ideology; etc.

²³ The Pakistan Times. 24. VII. 1983; Viewpoint, 1980. Vol. VI. N 20.

вольство и жалобы, что у некоторых комитетов «закята» наблюдалась тенденция отдавать предпочтение фаворитам, а не семьям, которые больше всего нуждаются в материальной поддержке. «Поэтому в каждом районе растет недовольство тем, что народные деньги используются не самым лучшим образом»²⁴.

Как подчеркивает Р. Курия, который провел полевые обследования одной из панджабских деревень в конце 70 — первой половине 80-х годов, после объявления политики исламизации в деревне практически ничего не изменилось. Автор приходит к выводу, что простые люди в Пакистане не мыслят себя органичной частью политики исламизации: действия центральных властей всегда внушали здесь подозрения. Кроме того, исламизация не воспринимается населением и поэтому, что она навязана сверху, непонятна многим и идет вразрез с реалиями сельской жизни²⁵.

По мнению пакистанских исследователей, попытки режима Зия-уль-Хака ввести исламские налоги не привели к изменениям в существующей структуре пакистанской экономики, которая большей частью сформировалась в колониальный период. Основные причины такого положения кроются в том, что при введении исламских налогов не было создано единой их системы, основанной на предписаниях ислама и учитывающей интересы как суннитов, так и шиитов. Не менее важным является вопрос о беспроцентных банковских операциях, основанный на запрете ислама на ростовщичество в любой форме, «тогда как современная банковская система функционирует только ради процентов и играет решающую роль в современной экономике. Более того, этот вопрос включает в себя проблемы международной торговли и займов от международных банков и других агентств, которые не предоставляют беспроцентных ссуд»²⁶.

Что касается исламизации государственного устройства и структуры власти, то для этой цели в октябре 1979 г. режим назначил комитет, состоявший из ученых, юристов, богословов, для выработки рекомендаций по структуре исламского демократического правительства. При этом подчеркивалось, что поскольку Пакистан был образован во имя ислама и в исламе нет положений относительно проведения выборов западного образца, то на правительство возлагается задача, опираясь на идеи ислама, выработать новую, исламскую демократическую систему²⁷.

В поисках путей решения этого вопроса активную деятельность развернули улемы, созвавшие в августе 1980 г. Всепакстанскую конференцию улемов, на которой был создан федеральный консультативный совет — Маджлис-и-шура, заменивший выборный парламент и призванный функционировать в качестве Консультативного совета при президенте, обеспечивая режиму гражданскую поддержку до проведения выборов в стране²⁸.

Создавая этот совет, Зия-уль-Хак стремился подчинить процесс исламизации усилению диктаторских тенденций. Важнейшими задачами «Маджлис-и-шура» Зия-уль-Хак назвал «оказание содействия правительству в ускорении исламизации, создание благоприятных условий для установления в стране исламской демократии и выдвижение планов действий ради этой цели»²⁹.

Как предполагает В. В. Сумский, создавая этот консультативный

²⁴ Viewpoint. 1981. Vol. I. N 39. P. 6.

²⁵ Islamic Reassertion in Pakistan: the application of Islamic laws in modern State. Syracuse, 1986. P. 126—127.

²⁶ Syed M. A. Op. cit. P. 80.

²⁷ Ibid. P. 77.

²⁸ Viewpoint. 1980. Vol. VI. N 4. P. 11.

²⁹ Viewpoint. 1983. Vol. VIII. N 27. P. 14.

орган, «власти преследовали цель не только заполнить политический вакуум, но и посмотреть, как проявят себя в деле возможные компоненты будущей политической системы»³⁰.

Однако ни создание в марте 1981 г. на непартийной основе федерального правительства, ни введение в том же году «Временного конституционного закона», якобы обеспечивающего претворение в жизнь «исламской государственной системы»³¹, не привели к ослаблению внутривластной напряженности в стране.

Возведение исламизации в ранг государственной доктрины и использование Зия-уль-Хаком ислама в политических целях, прежде всего для легитимизации своего авторитарного режима, вызвали нарастающее противодействие оппозиции (включая не только бывших сторонников З. А. Бхутто, но и светские, и религиозные партии и организации), требовавшей демократизации общественной жизни. Под давлением массового движения, руководимого блоком оппозиционных партий, известного как Движение за восстановление демократии (ДВД) и требовавшего немедленной отмены военного положения, проведения свободных выборов и формирования правительства в соответствии с конституцией 1973 г., создания системы государственного устройства на принципах провинциальной автономии, Зия-уль-Хак вынужден был «обещать возвращение к конституционным формам правления и вновь назначить дату выборов, но на «исламской основе»³².

После проведения в феврале 1985 г. выборов в Национальную ассамблею Пакистана и приведения к присяге нового правительства было возобновлено действие конституции 1973 г., но с поправками, внесенными Зия-уль-Хаком. Согласно этим поправкам, Зия-уль-Хак сохранял за собою посты президента и главнокомандующего пакистанской армией; назначал премьер-министра и губернаторов провинций; обладал властью распустить Национальную ассамблею; мог проводить референдумы по тем или иным вопросам. Наконец, восьмая поправка не только придавала юридическую силу военному перевороту 1977 г., но и освобождала Зия-уль-Хака от ответственности перед законом в период после переворота. Зия-уль-Хак обладал, таким образом, достаточной властью, подчеркивает индийская газета «Таймс оф Индия», чтобы продолжать осуществлять проводившуюся до сих пор политику подавления гражданских свобод³³.

Массовые антиправительственные волнения не прекращались в течение 1986—1988 гг., несмотря на жестокие репрессии властей. Участники этих выступлений требовали ликвидации антинародного режима Зия-уль-Хака, проведения парламентских выборов, формирования на их основе действительно гражданского правительства.

Таким образом, критика парламентской формы правления, проводившаяся режимом Зия-уль-Хака в течение всего периода его правления, и пропаганда идей системы исламского государства, идеологическую основу которого должен был составить процесс исламизации всех сторон общественной жизни страны, не привели к желаемому результату. Обусловлено это было рядом причин, главная из которых заключалась в отсутствии четкой концепции относительно формы исламской государственности. По вопросу о сути исламского государства (его структуре, механизме функционирования и т. д.) применительно к современным требованиям существовали серьезные разногласия между улемами (традиционалистами, неотрадиционалистами и мо-

³⁰ Сумский В. В. Национализм и авторитаризм: Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987. С. 121.

³¹ Ислам в современной политике стран Востока. С. 183.

³² Там же.

³³ Times of India. 19. VIII. 1988.

дернистами), юристами, видными общественными и государственными деятелями. Попытки создать исламскую политическую структуру путем «исламизации сверху» всех сторон общественной жизни страны, предпринятые режимом Зия-уль-Хака, привели в 1983—1985 гг. к легитимизации сильной президентской власти, вызвав недовольство не только широких слоев населения, но и сторонников использования ислама в политической жизни страны. Военные методы исламизации осуждались и значительной частью мусульманских духовных сословных групп.

Как показали события 1986—1988 гг., страна переживала всесторонний глубокий кризис. Вопрос о форме государственной власти не был решен. Вместе с тем следует отметить, что важным фактором, существенно затормозившим движение общественного синтеза в Пакистане в 1977—1988 гг., явилось усиление роли традиционных исламских институтов, обусловленное процессом «исламизации сверху», проводившимся режимом Зия-уль-Хака.

Этот фактор сыграл немаловажную роль в падении правительства Беназир Бхутто и избрании в ноябре 1990 г. на пост премьер-министра страны лидера Исламского Демократического Альянса (ИДА) Миан Наваз Шарифа, которого в Пакистане считают не только представителем торгово-промышленных групп страны, но и продолжателем идеологического наследия Зия-уль-Хака³⁴.

Одна из главных задач правительства ИДА, как было обещано в ходе предвыборной борьбы, заключается в создании в Пакистане исламского общества, свободного от эксплуатации и основанного на верховенстве исламских законов³⁵. Однако, как показывает опыт независимого развития Пакистана, без решения сложнейших проблем социально-экономического и культурного строительства попытки переустройства политической и социальной структур не дают ожидаемых результатов.

Поэтому в Пакистане от правительства ИДА ожидают проведения действительно нового политического курса, символизирующего реальный отход от прежних традиций и способного положить конец контролю феодальных кругов над национальной политикой. Новому правительству предстоит решить серьезные экономические проблемы страны, развернуть борьбу с бедностью и социальной отсталостью населения, большинство которого составляют безземельные крестьяне.

³⁴ Shafiqat S. Op. cit. P. 66.

³⁵ Dawn. 7. X. 1988; 18. V. 1989.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

**СОЗДАНИЕ СОВМЕСТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ —
ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Ныне в стране осуществляется целый комплекс крупных социально-экономических преобразований, затрагивающих и перспективы государственной научно-технической политики. В этих условиях возникла необходимость и разработки соответствующей республиканской программы, в которой были бы учтены специфические условия региона. Такая программа была рассмотрена и одобрена третьей сессией Верховного Совета УзССР¹. Причем заложенные в ней идеи создания эффективной структуры общественного производства согласуются с общими основами научно-технической политики.

Республиканский проект вхождения в рыночную экономику предусматривает общие стратегические цели научно-технической политики: развитие приоритетных для республики направлений научно-технического прогресса; поощряющая экономическая политика в отношении соответствующих фундаментальных и прикладных НИР, непрерывной подготовки кадров; осуществление фондосберегающего научно-технического развития и обеспечение конкурентоспособности продукции на внешнем рынке; развитие информационной структуры и информатизации отраслей народного хозяйства; развитие научно-технического сотрудничества в различных формах и с разными субъектами хозяйствования. В связи с этим приобретает особый интерес изучение форм научно-технического сотрудничества как источника первичной информации о передовых технологиях, новейшей технике, имеющемся опыте хозяйствования в условиях конкуренции с учетом экологических, социальных, культурных потребностей общества.

Речь идет о том, что осуществление мер по производству высококачественной продукции, отвечающей мировым стандартам, т. е. формирование потребительского рынка в специфических условиях Среднеазиатского региона, связано в первую очередь с необходимостью «научить» тружеников качественно новым отношениям в системе производственных связей. На наш взгляд, создание совместных предприятий, выполняя в первую очередь экономические задачи, вместе с тем реализует и этот социальный заказ.

Совместные предприятия как новая форма организации производства и международных экономических отношений являются результатом крупных изменений, происшедших во внешнеэкономических связях СССР. Но не конечным результатом, поскольку, складываясь на базе общеэкономических законов (закона стоимости), они лишены формационной законченности².

На нынешнем этапе своего становления совместные предприятия как объект изучения представляют и практический, и теоретический интерес для юристов и экономистов. В центре круга изучаемых проблем находится вопрос о содержании собственности совместных предприятий. Несомненно, что практический опыт организации СП опережает теорию. Так, существующее многообразие форм уже зарегистрированных и возможных СП не нашло отражения в едином нормативном документе о них. Нет единой точки зрения и по поводу того, какие формы совместных предприятий должны играть определяющую роль в социалистической экономике. По-видимому, выбор оптимальной модели СП (его организационной формы) будет определяться целями субъектов хозяйствования, вступивших в особые формы производства и имеющих конкретные экономические интересы. Причем, если со стороны иностранного партнера совместных предприятий в СССР преследуется цель получения как можно большей прибыли за счет огромного потенциала советского рынка сбыта, то интересы советской стороны значительно шире и опосредованнее. Помимо привлечения дополнительных финансовых ресурсов в целях более быстрого подъема экономики в условиях инфляции при сохранении контроля над экономической ситуацией со стороны социалистического государства, имеются в виду и такие цели, как полу-

¹ Правда Востока. 1990. 31 окт. С. 6.

² Экономические науки. 1989. № 10. С. 107; № 7. С. 136; 1990. № 5. С. 30.

чение передового организационного и управленческого опыта коммерческой деятельности, заимствование передовой техники и технологии, укрепление валютных фондов, и, как следствие, — расширение и упорядочение внешнеэкономической деятельности в целях дальнейшей стабилизации и развития экономики страны.

При создании СП оба партнера подвергаются риску. Отсутствие необходимого коммерческого опыта у социалистического партнера (коммерческий риск) усугубляется слабым информационным обеспечением, возможностью изменения валютного курса (валютный риск) и рядом политических причин, в частности нестабильностью политической обстановки в странах — участницах СП (страновой риск). Для зарубежных предпринимателей существенным сдерживающим фактором является, напротив, развитый коммерческий опыт, а точнее сказать, вытекающая из него коммерческая осторожность, обусловленная рядом факторов. Во-первых, — неотлаженной системой заключения договоров (как с юридической, так и с экономической сторон), а также системой ограничений на ввоз, вывоз и продажу ряда товаров, не представляющих тайн военной техники, оборотной промышленности, и ограничений потолка доли иностранного партнера в уставном фонде СП. Во-вторых, — недостаточной информированностью иностранных фирм и предпринимателей об условиях заключения договоров, создания и функционирования СП. К этому прибавляется нестабильность во внутренней экономике — возможность срыва поставок сырья, энергии, транспортных и др.

Но, несмотря на все перечисленные факты, количество создаваемых СП растет: на 1 января 1988 г. в СССР было зарегистрировано всего 20 совместных предприятий, а к концу 1989 г. создано уже 1136 совместных предприятий, из них 1003 — с капиталистическими странами. Доля иностранных партнеров в уставном фонде совместных предприятий составляет примерно 36,5%. В основном это оборудование, технология, валютные средства. На территории Узбекской ССР на 1 декабря 1989 г. функционирует 10 совместных предприятий, из них 7 созданы с участием капиталистических стран³. За рубежом, в различных отраслях действует около 120 смешанных предприятий, но они, за редким исключением, обслуживают советский экспорт, выполняют посреднические функции⁴.

В ряде стран подобная форма сотрудничества используется давно и широко: в конце 1987 г. в КНР было свыше 2 тыс. СП, в Югославии — 275, в Венгрии — более 100⁵. Однако опыт этих и других стран показывает, что не все цели, поставленные перед совместными предприятиями, выполнимы. Например, их создание не может коренным образом улучшить структуру экспорта и обеспечить увеличение валютного фонда в масштабах страны. Но, с другой стороны, особенно эффективной формой получения передового опыта являются именно совместные предприятия. Наиболее показательны в этом отношении созданные на основе крупных промышленных предприятий совместные производства «Хоматек», «Совиталпродмаш», «ПРИС», «Усольефарм», а также средние и малые предприятия, специализирующиеся на производстве компьютерных программ, оказании консультационных, инженеринговых, проектных услуг и др.

Об эффективности научно-технического сотрудничества совместных предприятий (внедрение новых технологий, перепрофилизация подготовки кадров, обучение кадров и пр.) свидетельствуют некоторые экономические показатели, заложенные в контрактных договорах. Так, заключенный между Минхимпромом СССР и «Мицубиси корпорейшен» (Япония) договор о создании крупного химического комплекса содержит условия, в которых оговариваются не только мощность (1 млн. т полимерных материалов в год) и стоимость сооружений (5 млрд. руб.), но и обеспечение в первую очередь запросов внутреннего рынка (70% продукции). Немаловажно, что производство будет безотходным, т. е. на базе полутного (сегодня сжигаемого впустую в факелах) газа⁶.

С точки зрения развитых рыночных отношений, предприятию, чтобы удержать прочные позиции на рынке, необходимо осуществлять непрерывную разработку и освоение новых видов продукции и тем самым удовлетворять интересы потребителя. В условиях же становления рыночных отношений в стране мы сталкиваемся с фактом диктатуры производителя, а не защиты интересов потребителя экономическими методами. До сих пор из-за существующей разницы между размерами затрат на нововведения и их прибыльностью предприятия искусственно тормозят процессы обновления продукции. Если же внедрение новой, высококачественной техники и технологии осуществилось, то в ущерб потребителю увеличивается стоимость продукции, поставляемой на рынок. В этом смысле совместные предприятия обладают существенным преимуществом. Имея выход на мировой рынок, они подчиняются законам развитых рыночных отношений, а значит, предпринимателями создаются условия и ассигнуются необходимые финансовые средства для ускоренной апробации, выбора

³ Правительственный вестник. 1989. № 1. С. 7; Правда. 1989. 23 апр. С. 3; Известия. 1989. 17 янв. С. 5; Управление предприятием: Словарь-справочник. М., 1990. С. 289.

⁴ Новые методы хозяйствования/Под ред. П. Г. Бунича. М., 1989. С. 101—102.

⁵ Там же.

⁶ Экономическая газета. 1988. № 52. С. 20.

и внедрения технических новшеств. Но и здесь возникает противоречие, ввиду значительной разницы между потребительскими потенциалами на внешнем и внутреннем рынках. Совместное предприятие, поставляя новейшую продукцию на мировой рынок, получает высокие валютные выручки. В то же время существует реальная возможность получения необоснованно высокой прибыли за реализацию морально устаревшей продукции на внутреннем рынке. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости создания на государственном уровне гибкого механизма организационно-экономического регулирования научно-технического развития предприятий.

В мировой практике уже существуют апробированные формы взаимовыгодного международного научно-технического сотрудничества. Они выглядят как обмен результатами интеллектуальной деятельности — лицензиями, «ноу-хау», программами для ЭВМ и другой научно-технической информацией, а также совместное внедрение в производство отдельных изобретений и взаимовыгодная реализация выпускаемой продукции. Обрисуем их наиболее широко используемые формы.

Высокие темпы научно-технического прогресса сокращают жизненный цикл научной продукции. Этот факт обуславливает широкое распространение лизинговой формы использования новых достижений техники и технологий. Эта форма взаимовыгодна, поскольку для одной стороны уменьшается риск быстрого морального износа дорогостоящего арендуемого оборудования и тем самым исключается необходимость поиска капитала для покупки соответствующего оборудования, а для другой — увеличивается доход от многократной сдачи его в аренду.

Широко применяется в форме подряда инженерно-консультационная деятельность. Устойчивые подрядные отношения перерастают в стабильную форму производственной и научно-технической международной кооперации, а затем и в создание новых совместных предприятий.

Международная научно-техническая кооперация предполагает систематический обмен информацией и специалистами. Здесь распространенной формой является так называемая «давальческая». Суть ее — в соглашении между фирмами о производстве товаров одной из них из материалов, полуфабрикатов и компонентов, принадлежащих другой. Как правило, результатом такого сотрудничества становится возникновение новых коллективов с высоким творческим и научным потенциалом.

Согласно постановлению Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций» (декабрь 1988 г.), все предприятия и организации, продукция которых котируется на внешнем рынке, пользуются правом самостоятельного выбора зарубежного партнера и осуществления экспортно-импортных операций⁷.

Таким образом, управление внешнеэкономическими связями в СССР на практике осуществляется двумя подходами — централизованным и инициативным порядком включения предприятий в систему международного разделения труда.

Централизованный порядок предполагает заключение договоров на межгосударственном и межотраслевом уровнях через посредство внешнеэкономических объединений (ВТО) отраслевых министерств или Внешторга в плане обмена результатами интеллектуальной деятельности, специалистами, технологиями и пр.

Директивность установления таких отношений связана с издержками производства, которые не полностью покрываются за счет экспортных надбавок ВТО и наносят урон в первую очередь социалистическому предприятию.

Инициативный порядок регулируется Законом СССР о государственном предприятии СССР и основан на хозяйственных отношениях. Предприятия по собственной инициативе определяют партнеров на мировом рынке. В результате возникают прямые кооперативные международные связи. За счет продажи свободных технических и сырьевых ресурсов, готовой продукции и отходов производства, а также услуг и лицензий создается валютный фонд научно-технической организации (НТО), который принадлежит ей и не подлежит изъятию вышестоящими организациями, а используется для нужд научно-технической деятельности. НТО, обладающие валютным счетом, получают возможность создания внешнеторговой фирмы, основной целью которой стало бы изучение передовых методов маркетинга и управление им.

Одним из требований ускоренного развития научно-технического прогресса стали формирование рынка научно-технической продукции в СССР и выход на мировой рынок. Это выдвигает, на наш взгляд, ряд первоочередных проблем, решение которых определит последующий путь регионального развития и международного сотрудничества в области научно-технического прогресса, а именно:

- овладение передовым зарубежным опытом по оценке приоритетных направлений научно-технического прогресса;
- создание оптимальных условий для творческого совершенствования кадровой составляющей научно-технического потенциала;
- развитие инфраструктуры научно-технического прогресса; коммуникаций в распространении достижений науки, техники и производства; создание информационного рынка; овладение маркетингом;

⁷ Хозрасчет в сфере науки: Нормативные и методические материалы. М., 1990. С. 219.

— обеспечение правовых, экономических и политических гарантий для эффективного международного сотрудничества, функционирования всех форм собственности, развития предпринимательства и международного хозяйственного расчета;

— углубление участия в международном разделении труда, кооперации и специализации; создание международных научно-технических организаций и внешне-торговых фирм;

— развитие международных арендных отношений (лизинга) по поводу взаимовыгодного использования оригинальных разработок и изобретений;

— создание системы страхования коммерческого риска советских предприятий и научно-технического развития по приоритетам, в которой определяющим фактором станут рыночные отношения, т. е. запросы потребителей.

Таким образом, из перечисленных выше проблем вырисовывается концепция множественности форм научно-технического сотрудничества в рамках совместных предприятий как целостная система научно-технической политики государства в условиях рыночных отношений.

М. Я. Исмаилова

О РОЛИ ОБЩЕСОВЕТСКИХ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Возникновение и совершенствование общесоветских традиций — закономерный и в то же время противоречивый процесс, в ходе которого воспитываются необходимые качества и способности человека. Творческое отношение к традициям помогает правильно учитывать диалектику развития национальных и интернациональных элементов, определяя при этом место и роль каждого народа в формировании личности. Нынешняя ситуация в стране, в том числе в республике, нацеливает внимание партийных, советских органов, общественных организаций и трудовых коллективов на решительную борьбу с негативными явлениями и стереотипами во всех областях, особенно в культурно-бытовой сфере, представляющими серьезные препятствия в формировании жизнедеятельности трудящихся масс, обогащении их духовной жизни.

Теоретическое осмысление сущности происходящих явлений и событий должно быть органически связано с практическими действиями человека, в ходе которых взаимоотношения между людьми раскрывают характерные черты социалистического быта, традиции народов, пути и условия возрастания роли человека как главного субъекта перестройки.

Следует иметь в виду, что традиции народов отражают в себе не только успехи, но и противоречивые явления данного общества, пережиточные взгляды, вредные привычки, преодоление которых осуществляется, с одной стороны, в ходе решения социально-экономических и политических задач, а с другой, — на основе принципа преемственности, организации политико-воспитательной, культурно-массовой работы на местах. Например, праздник «Навруз», широко отмечаемый в республике в честь начала весны, не только способствует сплочению трудящихся масс, воспитывая у них чувство любви к родной земле, природе, бережного отношения к их богатствам, но и обеспечивает высокий подъем настроения в работе, учебе, быту и в других сферах жизни. В последние годы происходят заметные изменения в отношении к национальным традициям и обычаям, создаются условия для обогащения их структуры на интернациональной основе.

Здесь мы акцентируем внимание лишь на вопросах формирования новых, общесоветских традиций, научное управление которыми способствует самоутверждению личности, выявляя при этом ее образовательные, профессиональные и другие творческие навыки и способности, реализуемые в производственное и внепроизводственное время. Все это имеет огромное значение для воспитания социально активной личности, способной и стремящейся внести свой вклад в решение актуальных проблем жизни общества, в борьбу со всеми негативными явлениями.

Разумеется, борьбу с такими уродливыми явлениями, как стяжательство, нетрудовые доходы, наркомания, бандитизм и другие преступления, следует вести не только воспитательными и идеологическими мерами воздействия, но и путем решения злободневных социально-экономических и культурно-бытовых вопросов. Трагические ферганские события (июнь 1989 г.) обнажили такие серьезные проблемы, как безработица среди молодежи, низкий жизненный уровень трудящихся, особенно жителей села, экологические трудности, слабость медицинского обслуживания и т. д.

Немало сложных проблем имеется и в семейно-бытовой сфере. В последние годы наблюдается тенденция к распаду у части молодежи семейной жизни. Преодоление этой тенденции требует совместных усилий социологов, психологов, философов, медиков и других специалистов, повышения образовательного и культурного уровня членов семей, удовлетворения их насущных потребностей, утверждения новых традиций и особенно возрастания трудовой и общественно-политической активности женщин Узбекистана.

Современное положение женщин республики отнюдь нельзя считать благополучным. Они различаются еще по профессиональным качествам, занятости в общественном труде, бытовой загруженности и т. д. Порой отдельные руководители пред-

почитают избегать выдвижения женщин-матерей на ту или иную должность, а в быту они могут еще испытывать неуважение к себе.

Диалектика взаимодействия общих и национально-специфических закономерностей в развитии общества отражает особенности исторического пути среднеазиатских республик, где становление социалистического быта и, следовательно, формирование прогрессивных традиций происходило в ходе преодоления феодально-патриархальных отношений. Воспитание зрелых форм семейно-брачных отношений в республике шло в борьбе с засильем религиозных догм, сплошной неграмотностью, общей отсталостью, в процессе утверждения социалистического образа жизни в целом. В этих условиях велась решительная борьба за освобождение женщин Востока от экономического и национального гнета, неравноправия в обществе и семье. Женский вопрос всегда выступал составной частью социалистического строительства. Однако и сейчас еще имеется много нерешенных проблем, в том числе с проявлениями старых, косных традиций быта.

Огромное значение имеет вовлечение в общественно полезный труд и женщин, и молодежи.

Достаточно отметить, что в республике сегодня около миллиона человек не заняты в сфере общественного производства. Следовательно, нужна настойчивая, последовательная работа по привлечению незанятой части населения к труду путем организации двух- и трехсменной работы предприятий, развития народных промыслов, надомничества, ИТД, расширения кооперативного движения и др. В Ферганской области, например, планируется в ближайшие годы ввести дополнительные мощности по переработке хлопка-сырца, хранению овощей и бахчевых культур, функционирование которых позволит привлечь примерно 15—20 тыс. человек, в том числе женщин. Необходимо создать реальные условия для роста образовательного, профессионального и духовного уровня жизни коренных национальностей, стимулирования их трудовой и общественно-политической деятельности.

В целом по стране женщины составляют почти половину всех рабочих и служащих. В республике их доля среди рабочих и служащих составляет 41%, а среди колхозников — 39%¹.

Большое значение имеет и создание культурно-бытовых условий, оказывающих положительное влияние на мировоззрение, ценностные ориентиры и жизненную позицию женских масс. В Ферганской области, например, создана сеть клубов и советов девушек, охватывающих свыше 700 человек, более 330 девушек возглавляют комсомольско-молодежные коллективы, свыше тысячи девушек являются секретарями первичных комсомольских организаций². Они ведут большую работу по вовлечению женщин в производство, общественную жизнь, созданию для них благоприятных культурно-бытовых условий, утверждению новых традиций.

Среди женщин-активисток можно отметить, например, Муталипову Окибат — швею комбината бытовой промышленности Фрунзенского района, делегата XX съезда ВЛКСМ; Рустамову Дилбар — работницу завода «Большевик» г. Коканда, члена бюро Ферганского ОК ЛКСМУз.

В активизации социальной роли женщин весьма важное значение имеет преодоление отживших и утверждение новых, прогрессивных традиций, сочетающих в себе лучшее наследие каждого народа с интернациональными, общесоветскими традициями.

Традиции каждого народа, как зеркало, отражают и достигнутые успехи, и противоречия общества. Утверждение новых, прогрессивных тенденций происходит медленно, трудно, путем ломки сложившихся стереотипов. Происходящие ныне в стране процессы революционного обновления общества создают благоприятные условия для более быстрого утверждения нового, прогрессивного, роста социальной активности масс, повышения чувства ответственности, принципиальности к себе и к окружающим на работе, в общественной жизни, в быту, сознательного отношения к своему общественному долгу, подлинно творческому участию в создании новых материальных и духовных ценностей. И в этом также велика роль общесоветских традиций, утвердившихся в сфере труда, общественной жизни, взаимоотношений людей.

Социализация личности происходит при учете национальных чувств, в результате которого обеспечивается осмысление практической, идейно-политической важности прогрессивных явлений и тенденций в духовной жизни всех народов и народностей. Поэтому партия проявляет внимательное отношение к этим качествам человека.

Национальные чувства людей заслуживают должного уважения, их нельзя игнорировать, но с ними нельзя и заигрывать³. Остаточный принцип в подходе к социальной сфере, в том числе к быту, имевший у нас место долгие годы, вел к консервации пережиточных взглядов, вредных привычек и прочих негативных явлений, в том числе пренебрежительного отношения к женщине. Это приводило к серьезным

¹ Шаусупова Г., Ефимова Л. Женщина в семье и в обществе // Агитатор Узбекстана. 1989. № 12. С. 21.

² См.: Текущий архив Ферганского ОК ЛКСМУз. 1989 г. С. 9.

³ См.: Материалы Пленума ЦК КПСС, 22—28 января 1987 г. М., 1987. С. 40.

последствиям, совершенно нетерпимым явлениям. Так, на пленуме ЦК КПУз 31 января 1988 г. с тревогой отмечалось, что «Бюро ЦК, партийными комитетами не дается должной политической оценки непрекращающимся фактам самоожжения женщины в знак протеста против унижения их чести и человеческого достоинства. В 1986—87 гг. произошло 270 вопиющих случаев. Особенно много таких случаев в Кашхадарьинской, Самаркандской, Джизакской областях»⁴. О самоожжении Музаффар Джаббаровой, Орият Маматовой из Самаркандской области с болью говорилось в статье Э. Гаффарова «Живые факелы вспыхивают за тихими дувалами самаркандских кишлаков»⁵. Эти вопиющие факты свидетельствуют о серьезных недоработках партийно-советских органов в борьбе с мракобесием, а также о недостаточной роли правовых, общественных организаций, боевитости махаллинских комитетов, женсоветов, средств массовой информации и т. д. Это говорит и о серьезных упущениях в борьбе с косными традициями прошлого, за утверждение новых традиций в общественной жизни, семье и быту.

Главную роль в развитии социалистического быта, как и образа жизни в целом, играют трудовые традиции, отражающие новое отношение к труду, профессиональные качества личности, ее способности, мировоззрение. Научный подход к утверждению и развитию трудовых традиций наших народов обеспечивает повышение роли человеческого фактора во всех сферах жизни общества, подлинно товарищеские взаимоотношения членов трудовых коллективов. Большое значение имеют традиции посвящения в рабочие, в колхозники, праздники урожая (хосил байрами) и др.

Всемерной поддержки и правильной организации требует традиция проведения коммунистических субботников. О роли их говорят, скажем, такие факты. В 1989 г., по неполным данным, на рабочих местах субботник провели 3 млн. 760 тыс. человек. Еще 5 млн. 496 тыс. занимались благоустройством городов, кишлаков и поселков. Было изготовлено более чем на 47,5 млн. руб. продукции, выполнено на 12,4 млн. руб. подрядных строительных работ⁶.

Традицию проведения субботников надо сохранить и впредь, разумеется, всемерно совершенствуя ее, очищая от всяческих бюрократических извращений, показуши, формализма, парадности, добиваясь того, чтобы каждый субботник проходил по-деловому, стимулировал творческое отношение к труду, коллективизм и взаимопомощь советских людей.

Трудовой фактор всегда выступал решающим условием в формировании общесоветских традиций, нацеленных прежде всего на рост социальной активности личности. Накопленный у нас опыт утверждения этих традиций надо всячески беречь и умножать с учетом качественно новых явлений, рожденных перестройкой.

Диалектика национального и интернационального сложна и многогранна. Анализируя ее, следует учесть, что «ныне понятие национального не ограничивается только тем, что отличает один народ от другого, оно значительно расширилось. В это понятие вошло и то общее, что характерно для всех советских наций»⁷. Национальное в традициях, как и другие явления социалистического образа жизни, всегда обогащается и дополняется новыми компонентами и чертами. Расширение сферы проявления национального фактора способствует сближению советских народов. Поэтому процесс утверждения новых, социалистических традиций рассматривается сквозь призму сочетания общих закономерностей и местных, национально-специфических особенностей, учет которых необходим и в теории, и в практике общественных отношений. Развитие национального и интернационального, в том числе в области традиций, происходит в их неразрывности и взаимообусловленности. Из этого надо исходить и при анализе традиций, имеющих место в сфере быта, семьи, ибо в конечном счете они отражают те закономерности, которые присущи обществу в целом.

Дело в том, что структура общесоветских традиций включает в себя элементы и материального, и духовного, соотношение которых находится постоянно в динамике. Развинуто их присущи свои противоречия, которые требуют своевременного выявления, глубокого изучения и разрешения в интересах всего общества, всех народов страны, в том числе Узбекистана. Отсюда необходимость научного управления этими процессами, прежде всего — чтобы активизировать роль человеческого фактора.

Велика роль общесоветских традиций в патриотическом воспитании советского народа. Эти традиции воодушевляют интернационализм, любовь и уважение к интересам страны, народа, готовность служить Родине. Надо крепить связь армии с народом, в частности связи трудовых и учебных коллективов с призванными в ряды Вооруженных Сил. Так, некоторые школы Ташкентской, Ферганской, Андижанской и других областей Узбекистана поддерживают связи с войсковыми частями, где проходят службу их выпускники, путем переписки, оформления совместных альбомов, фотовыставок и т. д. Следует продолжить и совершенствовать такие традиции, как походы по местам боевой и трудовой славы, встречи с участниками Великой Отече-

⁴ Правда Востока. 1988. 31 янв.

⁵ Правда. 1988. 21 апр.

⁶ Ленинский субботник: Предварительные итоги // Правда Востока. 1989. 25 апр.

⁷ Юнусов А. М. Торжество ленинской национальной политики. Ташкент, 1987.

ственной войны, «Зарницы» и др., координировать соответствующую деятельность комсомольских, профсоюзных, и других общественных организаций с мероприятиями военкоматов, воинских частей.

Не следует забывать, что прогрессивные традиции сами по себе еще не обеспечивают положительного воздействия на духовную жизнь народа. Они требуют большой организаторской работы, которую в новых условиях надо вести по-новому, без ненужной заорганизованности, формализма, парадности, шумихи, излишних затрат, с учетом местной обстановки, с привлечением к этому делу самых авторитетных, самых уважаемых представителей общественности, ветеранов войны и труда, аксакалов и др.

Дальнейшее развитие и совершенствование лучших традиций имеют огромное значение. Они воспитывают советских людей в духе патриотизма и интернационализма, коллективизма и гуманизма, тесной сплоченности, социального оптимизма, творческой, созидательной активности, способствуют мобилизации всего огромного потенциала человеческого фактора на решение актуальных задач перестройки.

Т. У. Абдуллаев, М. Р. Рахимов

К ИСТОРИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОСТАВА СОВЕТОВ УзССР В 50-е ГОДЫ

(По данным историко-статистического анализа)

Ход общественно-политической жизни страны второй половины 80-х годов вызвал острую необходимость в восстановлении полномочия Советов, закреплении за ними права решать важнейшие вопросы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни.

Важным критерием перестройки политической системы страны явилось изменение порядка выдвижения кандидатов в депутаты Советов. В избирательной практике впервые за последние десятилетия был сделан серьезный шаг в сторону демократизации общества, овидетельствем чему стали (хотя и не везде) выборы народных депутатов, состоявшиеся в марте 1989 г.

Порядок выдвижения кандидатов в депутаты обеспечивает оптимальность состава Советов при условии, что деловые качества народных представителей соответствуют требованиям избирателей. О сложности, противоречивости, деформациях в развитии процесса демократизации Советов, в том числе в их составе, можно судить, в частности, на основе данных о депутатах Верховного Совета УзССР, избранных в предшествующие годы. В данном случае для анализа нами выбраны материалы по депутатскому составу Верховного Совета УзССР IV (1955 г.) и V (1959 г.) созывов.

Наиболее важной и информационно емкой группой документов являются анкеты депутатов. В Центральном государственном архиве УзССР хранится 900 анкет депутатов Верховного Совета УзССР по указанным созывам, т. е. фактически они охватывают всех избранных депутатов. Анкеты эти отличает идентичность информации, позволяющая изучать объекты одновременно по целому ряду признаков. Анкеты индивидуально фиксируют сведения о каждом депутате созыва. В них содержится перечень запросов к депутату, его отчеты перед избирателями, различная переписка и т. п. Совокупность анкет позволяет проанализировать состав депутатов в целом, т. е. раскрыть внутреннюю структуру депутатского корпуса каждого созыва Верховного Совета УзССР, проследить основные тенденции в развитии Советов Узбекистана в 50-е годы.

Преимуществами анкет как источника являются: единство происхождения; охват всей республики; синхронность заполнения; индивидуальная информация; повторяемость основной группы вопросов. Анкеты, однако, нельзя считать универсальным источником. Разумеется, актив депутатов Верховного Совета УзССР может быть всесторонне охарактеризован лишь с привлечением комплекса других источников — воспоминаний, реперлюки, автобиографии и т. д. Однако собрать подобный материал на весь депутатский актив IV—V созывов и проанализировать его при современном состоянии поисковых систем практически невозможно. Это лишний раз свидетельствует в пользу научной значимости комплекса анкет депутатов, хранящихся в ЦГА УзССР.

Все анкеты подлинные, заполнены лично делегатами или регистраторами в основном на русском языке, за исключением незначительного количества экземпляров, заполненных на узбекском языке. Анкеты дают количественную, а через нее и качественную характеристику состава депутатов республики, основных черт их социального облика.

Мы провели историко-статистическое исследование всех 900 анкет депутатов. Первый этап исследования составила техническая обработка анкет. На специальные карточки были перенесены факсимиле ответов всех 900 депутатов, т. е. составлена регистрационная картотека.

Ответы сгруппированы по определенной схеме, позволившей сохранить объективность данных по каждому созыву. В заключение был сделан подсчет данных, полученных по каждому показателю анкет с последующим оформлением их в сводные таблицы (всего 25 таблиц).

Анкеты депутатов анализировались по следующим показателям: возраст — по возрастным группам: 20—29 лет, 30—39, 40—49, 50 лет и старше; национальность — была дана полная роспись национального состава депутатов каждого созвыа; образование — по видам: высшее, неполное высшее, среднее, неполное среднее, начальное, низшее (анкеты, не содержащие ответа на вопрос об образовании, причислялись к тем, где указано начальное образование); партийность — включены данные о членах КПСС, кандидатах в члены КПСС, членах ВЛКСМ, беспартийных, без учета партстажа; род занятий — по группам: рабочие с производства (в том числе рабочие совхозов), колхозники (в том числе председатели колхозов, члены Советов урожайности, бригадиры); советские, профсоюзные, партийные, административно-хозяйственные работники, служащие, военнослужащие.

Анализ показал, что 65% депутатов IV и 72% V созвыа составили узбеки. В то же время среди депутатов были представители 15 национальностей: русские, украинцы, армяне, каракалпаки, таджики, киргизы, казахи, евреи и т. д.

В 50-е годы наблюдалась некоторая тенденция обновления состава депутатов. Повторно в Верховный Совет УзССР IV созвыа было избрано 158 депутатов (37,5%), в том числе мужчин — 107 (25,4%), женщин — 51 (12,1%). В V созвые — соответственно: 167 депутатов (37,5%), в том числе мужчин — 133 (29,9%), женщин — 34 (7,6%).

Повторно депутатами избирались в основном партийные, административно-хозяйственные работники, председатели правлений колхозов. Например, Ахшиев С.— 1-й секретарь Каттакурганского РК КПУз, Курбанов А.— председатель правления колхоза, Қоржавин Б.— 1-й зам. министра водного хозяйства, Мичурин А.— управляющий трестом «Ферганаводстрой» и др. Как видим, в условиях административно-командной системы депутатство стало привилегией номенклатурных работников. С годами некоторые из таких депутатов превращались в тормоз, обузу для дела. Обновление же состава верховного органа власти республики осуществлялось за счет колхозников, рабочих, некоторой группы служащих.

Судя по анкетам, постепенно повышался образовательный уровень депутатов. Так, если в IV созвые имели высшее и незаконченное высшее образование 46% депутатов, то в V созвые — 49%, соответственно среднее и неполное среднее образование — по 37%, начальное в IV созвые — 11%, а в V — 12%. Процент неграмотных, наоборот, постепенно сокращался (в IV созвые он составлял 4,5%, в V — уже 1,2%). Неграмотными были преимущественно колхозники в возрасте старше 35 лет. Несмотря на повышение образовательного уровня партийных, советских работников, все еще велик был процент имеющих среднее и неполное образование, что отрицательно влияло на деятельность Верховного Совета республики. Дефицит образования, компетентности депутатов верхнего эшелона власти в решении жизненно важных социально-экономических проблем республики — следствие нарастания бюрократической системы руководства и других негативных явлений. К примеру, председатели колхозов из числа депутатов имели неполное среднее образование; преподаватели, не имея высшего образования, работали в школах сразу же после окончания школ или в лучшем случае после двухмесячных курсов. Курбанов М., имея среднее образование, работал министром хлебпродуктов УзССР; Рафикова О. без высшего образования работала учителем, затем вторым секретарем РК ЛКСМУз; Исранлова Э., не имея высшего образования, занимала должность ответственного редактора журнала «Узбекистон хотин кизлари»; Джабарова Э. после окончания курсов для учителей в возрасте 14 лет работала в школе; Юлдашева И., также без высшего образования, будучи депутатом двух созывов Верховного Совета УзССР, была зам. министра легкой промышленности, затем 2-м секретарем Кировского РК КПУз, секретарем Узсовпрофа. Был низок образовательный уровень и некоторых членов постоянных комиссий. Так, Курбанов Ю., имея неполное среднее образование, работал председателем исполкома и входил в состав бюджетной комиссии Верховного Совета УзССР; Маткаримов М., со средним образованием, работая первым секретарем РК КПУз, входил в состав комиссии по сельскому хозяйству. Из 71 партийного работника в V созвые 22,5% имели среднее образование.

В числе депутатов IV созвыа было 126 женщин (30% всех депутатов), из них 98 узбечек, V созвыа — 131 женщина (29,5%), из них 104 узбечки. Возрастание женской прослойки, особенно местной национальности, в составе депутатов в известной мере свидетельствовало о повышении общественно-политической активности женских масс.

Большинство женщин представляли сельское население. Из 71 депутата-женщины V созвыа, представительниц колхозов — 7 председателей колхозов, 7 Героев Социалистического Труда. Подавляющее большинство женщин-депутатов имели правительственные награды (медали, почетные грамоты и др.).

Женщины-депутаты входили в состав различных постоянных комиссий Верховного Совета УзССР, где в основном соблюдался принцип их профессиональной принадлежности. Однако он часто нарушался. Так, Шукурова Э.— колхозница, имея

неполное среднее образование, входила в комиссию по народному образованию. Саидова Т., с неполным средним образованием, — по здравоохранению. Подобные факты приводили к формализму, некомпетентности и отрицательно влияли на работу Верховного Совета в целом.

Анкетный анализ возрастного состава депутатов свидетельствует, что в обоих созывах Верховного Совета республики были как зрелые, опытные работники, так и молодежь. Последняя в созывах составляла около 10% депутатов. Несколько больше молодежь была представлена в V созыве (57 против 21). Это в определенной мере положительно сказалось на деятельности Верховного Совета. Самыми молодыми среди депутатов были: Майлиева Д. — 19 лет, узбечка, член КПСС, бригадир колхоза; Маллаева К. — 21 год, узбечка, член ВЛКСМ, звеньевая колхоза; Джаббаров Г. — 18 лет, узбечка, член КПСС, швея-мотористка.

Изучив состав депутатов по роду их занятий, мы обнаружили, что в V созыве из 22 депутатов — советских работников 18 были председателями исполкомов. То, что председатели исполкомов входили в состав соответствующего Совета, говорит о грубом нарушении демократических начал в Советах. М. С. Горбачев, выступая на XIX Всесоюзной партийной конференции, отметил, что по сложившемуся положению, «они, являясь депутатами Советов, заседают и принимают сами для себя задания. Естественно, что они заинтересованы, чтобы поменьше и слабее были эти поручения»¹. Отсюда слабая, недостаточная работа Советов всех звеньев.

Со второй половины 30-х годов и вплоть до 1959 г. в процедуре выборов в Советы в республиках практиковалось выдвижение в кандидаты в депутаты из числа руководящих партийных и советских работников из центра. Так, среди 294 депутатов IV созыва было 16 представителей центра. Только прошедший в 1956 г. XX съезд партии изменил это положение, обратив при этом внимание партийных органов на необходимость оживления работы Советов во всех сферах жизни общества. К сожалению, подобная практика была вновь возобновлена в 70-е годы.

Анализируя изученный материал, можно сделать вывод, что процесс обновления, затронувший во второй половине 50-х годов разные сферы общественной жизни, проявился и в определенной активизации деятельности Советов. Была расширена сфера участия советских органов в планировании и руководстве народным хозяйством, в организации жилищного, культурно-бытового строительства и др.² Президиум Верховного Совета УзССР принял Положение о Советах, которое более четко определило правовой статус депутата.

Но вместе с тем имевшиеся просчеты и ошибки, в том числе в вопросах выдвижения депутатов, стали приводить к ухудшению деятельности Советов. Они постепенно отдалялись от повседневных нужд и запросов трудящихся, их деятельность зачастую носила чисто формальный характер. Это не могло не сказаться отрицательно на состоянии и деятельности Советов в последующие годы.

Уже из сказанного видно, что данная проблема требует дальнейшего глубокого изучения на основе выявления, анализа и обобщения конкретных фактических материалов, охватывающих все Советы УзССР.

Т. В. Перевезенцева

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 46.

² Саидова К. Ф. К вопросу о демократизации общественной жизни Узбекистана // Проблемы истории республик Средней Азии и Казахстана в 40—50-е годы: Сб. Ташкент, 1989. С. 27.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ АШЕЛЬСКОЙ СТОЯНКИ СЕЛЪУНГУР

Одной из узловых проблем исторической науки являются вопросы о сущности человека, о соотношении в нем биологического и социального, о возникновении человека как продукта биологической эволюции, вышедшего на наиболее высокий уровень организации материи — социальный. Положение о социальной сущности человека общепризнано, и в определении грани между собственно человеком и его гоминидными предками практически применяется чисто социальный критерий — изготовление и использование орудий труда. Но изучение типологии и функций орудий труда освещает одну сторону проблемы, оставляя в тени другую. Признание определяющей роли социальных закономерностей не опровергает того факта, что человечество в целом и каждый человек в отдельности являются составной частью биосферы, что элементы нового, социального качества зарождались и длительное время вызревали в недрах биологической формы движения материи, в процессе биологической эволюции.

Осознание данной проблемы во всей ее сложности обостряет потребность в максимально глубоком изучении среды обитания в периоды становления человеческого рода и на этой основе — реконструкции жизни первобытных общин¹. Уникаль-

¹ Барабой В. А., Димант И. Н. Социально-биологические и экологические проблемы человека. Ташкент, 1989. С. 54—55.

ный материал, полученный при археологическом изучении ашельской пещерной стоянки Сельунгур, расположенной на северо-западной окраине г. Хайдаркан Фрунзенского района Ошской области Киргизской ССР, позволяет в определенной степени воссоздать палеогеографическую среду древнейших обитателей этого района.

В процессе реконструкции жизни первобытного общества используются материалы, разделенные П. М. Долухановым на две категории: археологические и неархеологические. В первую группу входят сделанные человеком вещи (артефакты), типы памятников и т. д. Во вторую включены палеоэкологические данные, геологические и геоморфологические характеристики памятника, фаунистические и палеоботанические данные и пр. Вторая группа источников позволяет восстановить хозяйственный уклад изучаемых памятников. Палеоэкономические и палеоэкологические исследования показали, что хозяйственная деятельность первобытного общества в высокой степени соответствовала природным условиям². Орудия труда, посредством которых осуществляется взаимодействие человека с природой в процессе производства, в большинстве своем обнаруживают адаптивные свойства по отношению к природным ресурсам, климату, растительности, животному миру.

В этой связи изучается генетическое строение отложений пещерной стоянки Сельунгур, которые определяются геолого-геоморфологическими факторами неоген-четвертичного этапа формирования рельефа Хайдарканской впадины и в значительной мере отражают климатические условия, растительный и животный мир в периоды формирования отдельных слоев. Особое внимание уделяется палеопедологии, поскольку ископаемые почвы дают возможность реконструировать географические условия прошлых эпох почвообразования. Под «почвой» в данном случае понимаются все поверхностные слои горных пород, переработанные и измененные совместным действием климата, растительных и животных организмов³.

Механический состав пещерных отложений изучался по методу Н. А. Качинского, что позволило разделить их на 29 обособленных слоев. Выбор данного метода не случаен, ибо он соответствует некоторым зарубежным классификациям механических элементов почвы. Механический и микроагрегатный состав является наиболее информативным в определении характеристик почв и грунтов. Он даст возможность изучать антропогенные отложения, аналитически составлять математические модели, отражающие пространственную и временную неоднородность слоев. Определение механического состава почв по слоям играет также большую роль при изучении генезиса пещерных отложений, так как данный состав зависит не только от состава материнской породы, но и от процессов почвообразования. Эти процессы взаимообусловлены и их необходимо изучить прежде, чем приступить к палеоэкологической реконструкции.

Большое влияние на формирование почвы оказывает рельеф местности. Основоположники генетического почвоведения В. В. Докучаев, Н. С. Сибирцев четко различали равнинные и горные почвы. Особая трудность решения вопросов классификации и систематики горных почв состоит в большом разнообразии сложных сочетаний природных условий — факторов почвообразования. По совокупности своих характерных черт почвы горных районов и равнин существенно отличаются как в качественном, так и в количественном отношении. В связи с этим нельзя рассматривать их или производить корреляции без учета специфичности факторов почвообразования — местоположения, литологии, характера растительности, гидрогеологического режима.

Особенности почвообразования в горных условиях определяют самобытность горных почв, их отличия от равнинных, заключающиеся в литогенности, скелетности, закономерном уменьшении с высотой биогенности, мощности гумусовых горизонтов⁴. Отличия горных почв от равнинных дают основание выделить их в самостоятельные генетические типы в рамках особых генетических и географических групп.

А. А. Величко и другие отмечают, что почвенные покровы испытывали значительные перестройки в течение плейстоцена, эпохи почвообразования характеризовались большими различиями⁵. На генетические особенности почвенного отложения пещеры Сельунгур влияют геолого-геоморфологические факторы, обусловленные главным образом плейстоценовыми событиями истории развития Хайдарканской впадины. В районе исследований развиты два типа рельефа: предгорно-долинный и горный (рис. 1). Предгорно-долинный рельеф развит в пределах Хайдарканской впадины, которая имеет 25 км в длину и 6—10 км в ширину. Абсолютные отметки — от 1200 м на западе до 200 м на востоке. Впадина имеет вид плоской аккумулятивной равнины, рассеченной сетью сухих долин и оврагов глубиной 5—10 м. Вдоль

² Долуханов П. М. Верхний палеолит и мезолит Европы: опыт многомерного анализа//Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1989. С. 62—63.

³ Качинский Н. А. Происхождение и жизнь почвы. М., 1952. С. 41.

⁴ Мамытов А. М. О классификации и систематике горных почв Киргизии//Труды X Международного конгресса почвоведов. М., 1974. С. 530—535.

⁵ Величко А. А., Морозова Т. Д. Палеопочвенные картосхемы основных эпох почвообразования верхнего плейстоцена на территории Европы//Труды X Международного конгресса почвоведов. С. 416—421.

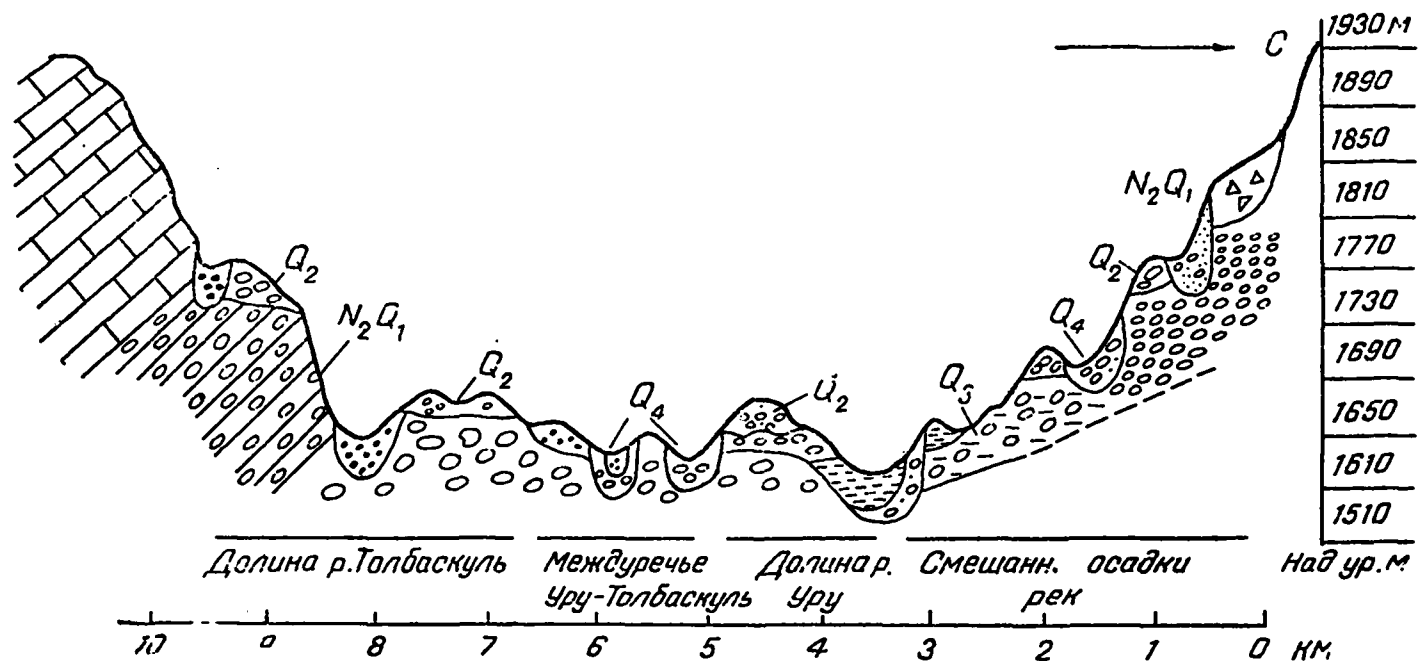

Рис. 1. Литолого-геоморфологический профиль Хайдарканской впадины (поперечное сечение конусов выноса рек). Составили М. Х. Годин, К. А. Крахмаль.

северного борта тянется сухое русло, переходящее к западу в глубокую каньонообразную долину р. Обишир. В восточной части впадины располагается древний конус выноса р. Алаудин, который образует небольшой постоянно растущий водораздел со сглаженной поверхностью, понижающийся равномерно на северо-запад. Южное горное обрамление Хайдарканской впадины входит в полосу предгорий с абсолютными отметками 2600—3700 м. Северное горное обрамление относится к полосе предгорий с абсолютными отметками 2200—3000 м и представлено хребтами Обишир—Ишме—Шивали. Здесь развит типичный среднегорный рельеф: водоразделы сглажены, уплотнены, покрыты толщами элювия. Хребты расчленены короткими крутыми эрозийными врезами, наиболее крупные из них — Захарсай, Сельунгурсай.

Климат континентальный, определяется главным образом положением района в условиях сильно расчлененного высокогорного рельефа. О его особенностях можно судить по данным многолетних наблюдений метеостанции Хайдаркан. Среднеголетняя сумма атмосферных осадков — 539 мм. Максимум их выпадает весной — 264 мм, минимум (24 мм) приходится на август — сентябрь. Самая низкая среднемесячная температура воздуха наблюдается в январе ($-6,8^{\circ}\text{C}$), самая высокая — в июле ($+18,5^{\circ}\text{C}$). В горном обрамлении континентальности климата выражена более ярко. Так, в зимнее время среднемесячная температура здесь часто опускается до -10 — -12°C , а летом достигает $+23$ — 25°C . Снежный покров в Хайдарканской впадине с ноября до апреля достигает 38—40 см. Глубина промерзания почвы под снегом достигает 40—60 см.

Различные климатические условия даже в таком ограниченном районе значительно влияют на развитие растений, животных, микроорганизмов, а различные живые существа по-разному воздействуют на формирование почвы, как и почва на них. Кроме того, на свойствах почвы сказывается неодинаковое в разных местах выпадение осадков. Каждая горная порода обладает присущими ей свойствами, и от пород различного состава образуются различные отложения. При этом почвы южного и северного склонов гор также будут различными, в зависимости от получаемого тепла, влажности и пр.

Формирование пещерных отложений во многом было обусловлено неотектоническим развитием и формированием рельефа Хайдарканской впадины. Трещиноватые структуры, по которым в полость пещеры проникает капельно-жидкий субстрат, отражают вертикальные перемещения земной коры и могут служить маркирующим признаком в хронологических определениях процесса почвообразования. Недооценка подобных данных в значительной мере затрудняет корреляцию стратиграфических разрезов отдаленных и даже синхронных памятников, и реконструкция окружающей палеосреды может оказаться неверной.

На основании некоторых результатов исследования взаимодействия почвообразовательных и геоморфологических процессов в их динамике установлено, что в изучаемом районе пещерные антропогенные отложения по условиям их образования относятся в основном к элювию; какие-либо породы, относящиеся к аллювиальным отложениям данного района отсутствуют. Элювиальные глинистые породы образовались и в результате постседиментальных изменений (процесс естественного старения почвы), что указывает на глубокую древность отложений.

У. И. Исламов, К. А. Крахмаль.

ОЛИЙ УҚУВ ЮРТЛАРИНИНГ УҚИТУВЧИЛАРИГА ЁРДАМ

ОЛИЙ УҚУВ ЮРТЛАРИДА ЎЗБЕК ХАЛҚИНИНГ ИЖТИМОЙИ-ФАЛСАФИЯ ТАФАҚҚУРИ ТАРИХИНИ УРГАНИШ МАСАЛАСИГА ДОИР

Ҳозирги кунда халқимиз мадания, илмий фалсафий меросини атрофлича изчил, чуқур ўрганиш долзарб масалалардан биридир.

Қадриятларни англаш, уни тўғри тушуниш қайта қуриш жараёнида жамиятимизнинг маънавий тараққиётининг ғоявий асосини ташкил қилади. Маънавий тараққиёт жараёнида халқимизнинг тарихий-маданият меросини, ижтимоий, тарихий ва фалсафий қарашларини билмаган шахс маънавий жиҳатдан тўла, баркамол шахс бўла олмайди.

Урта Осиё халқларни, жумладан, ўзбек халқининг мадания, илмий ижтимоий-фалсафий тафаққури тарихининг вужудга келиши, шаклланиши ва ривожланишининг барча қатламларини ўрганиш инсон тарбиясини янада камол топтириш, айниқса, ёшларнинг юқсак ахлоқий, маданият савиясини ошириш учун зарур.

Фан, маданият, фалсафа тарихини ўрганишда ўртаосиёлик мутафаккирларнинг умуминсониятнинг илмий тараққиётини таъминлашда кўрсатган жонбозликларини чуқур таҳлил қилиш керак. Урта Осиё илм-фанининг энг ривожланган марказларидан бири бўлганлигини, умуминсоният билимининг ривожига катта ҳисса қўшганлигини Шарқ ва Европа халқларининг илмий-табiiий, ижтимоий-фалсафий тафаққури тарихини ўрганишда, жумҳуриятимиз олийгоҳларида талабаларга фалсафа тарихини ўқи-

тишда кўпроқ эътибор беришимиз зарур. Бизга маълумки, шу кунгача халқимизнинг ижтимоий-фалсафий тафаккури тарихини атрофлича, кенг миқёсда ўрганиш масаласига масъулият билан қаралмаган. Масалан, олийгоҳлар, дорилфунунлар учун тузилган фалсафа тарихи курсининг дастурида бир оғиз гап билан Ўрта Осиёдаги фан ва фалсафа эслатиб ўтилади. Феодализм жамияти давридаги Шарқ ва Европа мамлакатлари фалсафасини мавзусини баён қилишда талабаларга ўрта асрдаги Шарқ мамлакатлари халқларининг фалсафий қарашлари билан Ўрта Осиё халқларининг фалсафа тарихидаги меросини ҳам чуқур ёритиб бериш керак. Бу давр фалсафа тарихини ўрганишда Ўрта Осиёнинг ўрта аср фалсафасига умумий таъриф ёки изоҳ бериш билан чегараланиб қолмаслик керак.

Ўртаосиёлик буюк қомусчи олимларимиз Хоразмий, Фаргоний, Форобий, Беруний, Ибн Сино ва бошқаларнинг математика, фалакиёт, физика, кимё, ботаника, зоология, геология, ва таъбаот соҳасидаги кашфиётлари, шунингдек мантиқ, руҳшунослик, муסיқа бадний адабиёт соҳасидаги ғоялари, фалсафий таълимоти ривожлантиришдаги хизматлари ҳақида тўла, батафсил маълумотлар бериш, уларнинг асарларини ўрганиш, таҳлил қилиш орқали, бу алломаларнинг умуминсоният маданий меросини яратиб қўйганлигини, уларнинг қўшган ҳиссаларини кўрсатиш керак. Ўрта Осиё фалсафаси тарихини умуминсоният фалсафаси тарихининг ажралмас қисмидир.

Юқорида айтилган масалаларга эътибор бериш педагогика олийгоҳининг талабаларига фалсафа тарихидан билим беришда, уларнинг дунёқарашини кенгайтиради, маънавий савиясининг кўламинини оширади.

Шу мақсадда Низомий номли Тошкент Давлат Педагогика олийгоҳида янги фалсафа тарихи ва мантиқ кафедраси ташкил қилинди. Бу кафедранинг вазифаси Шарқ, Ғарб фалсафаси тарихи билан бирга Ўрта Осиёдаги ижтимоий-фалсафий тафаккур тарихини олийгоҳ талабаларига кенг мазмунда ўргатишдир.

Бунинг учун кафедрамиз Ўрта Осиё фалсафаси тарихини, Ўзбек халқи ижтимоий фалсафий тафаккури тарихини ўрганишга доир дастурини ишлаб чиқди.

Дастурда фалсафа тарихини ўрганишда фалсафий тафаккур тарихида материалистик ва идеалистик ғояларнинг келиб чиқиши, кураши, тарихи, метод масаласини яхлит ҳолда таҳлил қилиш тавсия қилинади. Фалсафа тарихини таҳлил қилишда ва баҳолашда ижтимоий-фалсафий фикрларнинг келиб чиқишидаги оқимлар ва ғояларга эътибор бериш билан бирга, ўртаосиёлик мутафаккирларнинг фалсафий таълимотини келиб чиқишидаги тарихий омиллар, иқтисодий-ижтимоий шароит ҳақида маълумотлар бериш ҳам таъкидланади.

Буни мутафаккирларимизнинг фалсафий таълимотидаги билиш масаласи, билиш босқичлари, шакллари, билишда ақлнинг фаоллиги, мантиқнинг ўрни, кузатув, тажриба, синов воситалари, ҳақиқатга эришиш усуллари ва йўллари, билиш мезони амалиёт ҳақидаги ғоялари ва унинг моҳияти очиб берилиши керак. Талабаларимизга юқоридаги масалаларни чуқур ўрганишда буюк алломаларимизнинг таржима қилинган асарларини ҳам тавсия қилмоғимиз даркор. Лекин масаланинг мураккаб томони ҳам бор. Бу эса китобларимизнинг етишмаслиги билан боғлиқдир. Шунинг учун нашриётларимиз алломаларимизнинг китобларини чоп этишлари зарур.

Ўрта аср Ўрта Осиё мутафаккирларининг жаҳон фанига, фалсафа тарихига қўшган бой меросини ўрганишда, очиб беришда совет олимлари, жумладан жумҳуриятимиз олимлари ЎзССЖ ФА академиклари И. М. Мўминов, М. М. Ҳайруллаев, ЎзССЖ ФА мухбир аъзоси М. Б. Баратов, фалсафа фанлари доктори Ж. М. Бобоевлар катта ютуқларга эришдилар. Олимларимизнинг Ўрта Осиё мутафаккирларининг бой меросини ўрганишдаги илмий ишлари, ёзган асарлари бизга катта ёрдам бермоқда.

Лекин тадқиқотларимиздан умидимиз катта. Бу соҳада ҳозирги замон талабига жавоб берадиган илмий тадқиқот ишларига имконият яратиб бериш, мутахассислар тайёрлаш, дарсликлар чоп этилиши зарурдир.

Дастуримизда ўрта аср Ўрта Осиё мутафаккирларининг фалсафа тарихидаги таълимотларини ўрганиш билан бирга, ундан кейинги тарихий даврдаги авлодларимиз яратган фалсафий меросни ҳам босқичма-босқич ўрганиш масаласи қўйилган.

Ўзбек халқи ҳурфикрлигининг келиб чиқиш тарихини ўрганишда XIV ва XIX асрлардаги ижтимоий-фалсафий фикрлар, XIX аср охири ва XX аср бошларидаги илғор инқилобий-демократик ғоялар, уларнинг ижтимоий-фалсафий тафаккурнинг ривожланишидаги моҳияти ва ниҳоят фалсафий тафаккурнинг Туркистонда ривожланиши масалалари дастуримизда қайд этилган.

Дастуримизда фалсафа фанини, материалистик дунёқарашни ривожлантиришда, диалектиканинг назарий масалаларини ишлаб чиқишда катта ҳисса қўшган ва қўшаётган олимларимизнинг олиб бораётган илмий тадқиқот ишлари, ғоялари, йўналишлари ҳақида талабаларга тўла маълумот беришни лозим деб топдик. Айрим куллиётларда шу дастур асосида сабоқ бермоқдамиз.

Олийгоҳда фалсафа тарихи ва мантиқ кафедрасининг ташкил қилиниши ва кафедранинг ўқув дастурини ишлаб чиқиши халқимиз бой маданий, ижтимоий-фалсафий меросини изчил ўрганиш учун қўйилган катта қадам ҳисобланади.

С. С. Қомилова

ИСТОРИОГРАФИЯ

ШЕФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ В ЛИТЕРАТУРЕ 20-х годов

Одним из важнейших компонентов социалистического строительства в Узбекистане, как и во всей стране, было шефское движение, прошедшее длительный путь своего развития во всех его разновидностях. И вполне естественно, что история шефского движения вызвала к жизни довольно обширную литературу, начиная с первых небольших исторических очерков, опубликованных в газетах и журналах, за которыми с течением времени последовали и специальные работы, содержащие концептуальный материал.

Идея шефства города над деревней неразрывно связана с именем В. И. Ленина. Уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин теоретически обосновал необходимость помощи рабочего класса крестьянству.

В известной работе «Странички из дневника» В. И. Ленин писал: «Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. ...мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата»¹.

В. И. Ленин видел в шефстве одну из форм укрепления союза рабочего класса и крестьянства, без которого невозможно было построение социализма в СССР.

Становлению шефского движения и его пропаганде посвящались выступления и публикации Н. И. Бухарина, М. И. Калинина, В. А. Карпинского, Н. К. Крупской, по Средней Азии — Ю. Ахунбабаева, К. Я. Баумана, А. Икрамова, Ф. Ходжаева² и др.

Отметим, что созданную в июне 1925 г. Центральную шефскую комиссию (ЦШК) при Отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) возглавил К. Я. Бауман, ставший в феврале 1931 г. первым секретарем Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Аналогичную шефскую комиссию при ЦК КП(б) Узбекистана возглавил в октябре 1925 г. А. Икрамов.

Статьи, освещающие шефское движение, печатались в различных журналах того времени: «Коммунистическая революция», «За партию», «За реконструкцию сельского хозяйства», «Смычка», «Город и деревня», «Крестьянская взаимопомощь», издававшиеся в 20-е годы как в центре, так и на местах. Но особенно богатый материал для исследователей, изучающих шефское движение, содержится в журнале «Вопросы шефства»³ и «Лицом к деревне».

В Узбекистане начальный этап шефства города над кишлаком получил освещение в основном в газетно-журнальной периодике того времени⁴. Авторами этих работ, как правило, выступали активные участники и организаторы добровольных шефских обществ. Например, С. Хайкин, известный по ряду опубликованных статей, был ответственным секретарем Ташкентского окружного шефского совета⁵.

Литературу 20-х годов, освещающую шефское движение в Узбекистане, можно условно сгруппировать по следующим проблемам:

- первые шаги шефства;
- участие рабочих организаций в осуществлении земельно-водной реформы и раскрепощении женщин;
- шефское движение в Узбекистане после XV съезда ВКП(б). Переход шефства города к организационно-хозяйственной помощи кишлаку;

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 366.

² Ахунбабаев Ю. Избранные произведения. Ташкент, 1985; Бауман К. Я. К плану большевистской работы в Средней Азии//Задачи большевиков в Средней Азии. Ташкент, 1931; Икрамов А. Избранные труды. Тт. I—III. Ташкент, 1971—1974; Ходжаев Ф. Избранные труды. Тт. I—III. Ташкент, 1970—1973; и др.

³ Журнал «Вопросы шефства» издавался с июля 1925 г. по сентябрь 1928 г. как приложение к журналу «Спутник агитатора», с 1 октября 1926 г.— как орган Агитпропов ЦК и МК ВКП(б). В октябре 1928 г. был закрыт и вместо него стал выходить журнал «Лицом к деревне».

⁴ Наша смычка//Правда Востока. 1925. 26 янв.; Вопросы шефработы в Узбекистане//Правда Востока. 1926. 29 мая; Голос текстилей (орган ЦК и Московского обл. отдела профсоюзов текстильщиков). 1929. 21 авг.; Лаврентьев В. А. Колхозное строительство в Средней Азии и задачи партии//За партию. 1927. № 11—12. С. 10—17; Белкин, Пряхин, Терехин. Итоги шефской работы рабочих хлопководов № 7 по внедрению чистых сортов хлопчатника//За реконструкцию сельского хозяйства. 1929. № 6. С. 106—108; На помощь дехканину//Лицом к деревне. 1929. № 18. С. 8; Поможем переделать народное хозяйство Средней Азии//Там же. С. 10—11; Текстиль в Средней Азии//Там же. № 21. С. 16—17.

— участие шефских организаций Узбекистана и текстильных центров страны: в борьбе за хлопковую независимость и коллективизацию сельского хозяйства.

Эта проблематика в основном совпадает с аналогичным изучением шефства в центре⁵. Какие особенности шефского движения в Узбекистане отмечаются в литературе 20-х годов?

Организация и деятельность шефских обществ в Узбекистане, как правило, раз-
вертывались позднее, чем в центре. Это объяснялось территориальной, отдален-
ностью края и малочисленностью рабочего класса.

Как известно, в шефской работе в Узбекистане в первый период, вплоть до 1928 г., основное место занимала культурная и политико-просветительная работа в кишлаке⁷. Эту важную задачу выдвинул перед рабочим классом республики I съезд Компартии Узбекистана: «Шефствующим ячейкам... необходимо поставить своей задачей более активное участие в развитии культпросветработы в кишлаке»⁸.

С 1928 г. основным содержанием шефства города становится организационно-хозяйственная помощь кишлаку⁹. В центре же этот переход произошёл раньше.

В Узбекистане шефские организации приняли широкое участие в осуществле-
нии земельно-водной реформы¹⁰, движении за раскрепощение женщин¹¹.

Шефские организации республики активно включились в коллективизацию сель-
ского хозяйства. В нашем регионе это тесно переплетается с другой важной зада-
чей — обеспечение хлопковой независимости СССР. Эта задача решалась при ак-
тивном участии текстильных центров страны (Москва, Ленинград, Иваново). Шеф-
ство города над кишлаком слилось в единый поток с шефством центральных райо-
нов страны над Средней Азией, в том числе Узбекистаном¹².

В отсталых национальных республиках с незначительной пролетарской про-
слойкой удельный вес и политическое значение шефской работы не только не падали,
но в значительной мере возрастали¹³.

В условиях Узбекистана шефство рабочих, их практическое участие в разреше-
нии политических и организационно-хозяйственных задач кишлака имели огромное
значение и в интернациональном воспитании дехканских масс¹⁴.

К специфике вопросов шефства в Узбекистане нужно отнести и проблемы язы-
ка. Так, в статье «От культурничества к организационной помощи кишлаку» отме-
чалось: «До сего времени мы еще митингуем, да и то с переводчиком. ...Нужно и
шефобществам подобрать у себя людей, знающих язык и быт кишлака...»¹⁵

Подводя итоги краткого обзора литературы по шефству в Узбекистане, издан-
ной в 20-е годы, надо подчеркнуть, что первые работы, посвященные этой пробле-
ме, появлялись непосредственно в ходе становления шефства. В них делались попыт-
ки осмыслить роль и значение шефства, показать и обобщить первый его опыт, по-
мочь шефским организациям правильно определить формы и методы работы.

Р. Н. Шигабдинов.

⁵ Шефство рабочих Ташкента над кишлаком. 1924—1929: Сб. док. Ташкент, 1962. С. 136—137.

⁶ Спектор Н. П. К вопросу об историографии шефства города над деревней в годы подготовки и создания колхозного строя (1923—1933 гг.)//Вопросы историографии рабочего класса. М., 1970. С. 162—176.

⁷ Лушников А. Вопросы шефства//Правда Востока. 1927. 8 февр.

⁸ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. I. Ташкент, 1987. С. 34.

⁹ Хайкин С. От культурничества к организационно-хозяйственной помощи кишлаку//За партию. 1928. № 5. С. 92—93.

¹⁰ Зелькина Е. Л. Земельно-водная реформа и раскрепощение женщин. Самарканд, 1927 (на узб. яз.).

¹¹ Икрамов А. Женский вопрос в Узбекистане//Избранные труды. Т. I. Ташкент, 1972. С. 105—115; Любимова С. Т. Работа партии среди тружениц Востока. М.; Л., 1928; Рогов А. По кишлакам и аулам Средней Азии: Под знаком «Худжума»//За партию. 1928. № 1. С. 3—5.

¹² Текстильщики Иваново-Вознесенска выехали в Среднюю Азию//Лицом к деревне. 1929. № 20. С. 6; Васильев Д. Текстили в Средней Азии у вчерашних кочевников//Лицом к деревне. 1929. № 22. С. 4—5; Шленов. Текстили Замоскворечья и дехкане Узбекистана//Лицом к деревне. 1929. № 22. С. 24—25.

¹³ Френкель С. Перед подъемом рабочего шефства над деревней//Советская демократия: Сб. М., 1929. С. 146—159.

¹⁴ Диманштейн Н. С. Очередные задачи работы среди нацмен//Коммунистическая революция. 1925. № 13—14. С. 13—23.

¹⁵ Хайкин С. От культурничества к организационно-хозяйственной помощи кишлаку. С. 93.

НОВЫЕ КНИГИ

Т. А. МИРЕНСКИЙ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

(Нукус: Каракалпакстан, 1990. 192 с.)

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена исследованию одной из самых актуальных и значимых для создания правового государства проблем — методологии и методам совершенствования законодательства.

Работа состоит из введения, десяти глав и заключения, которые характеризуются стройностью архитектоники, глубокой аргументированностью поставленных вопросов, краткими и обоснованными выводами.

Первые две главы связаны непосредственно с методологией совершенствования законодательства. В них формулируются сами методологические основы, определяются категории «совершенствование» как философское понятие, ее роль в развитии законодательства, основные принципы его совершенствования, анализируются состояние правопорядка как предпосылки для рационализации правовых норм и влияние региональных особенностей общественных отношений на внесение изменений и дополнений в действующие законы.

В третьей главе выдвигается новая концепция системы советского законодательства, в основу которой положены суверенитет союзных республик и постепенное уравнивание всех форм автономных образований до республиканского уровня. Предлагаемые нововведения заслуживают внимания как государственных, так и законодательных органов, ибо связаны с дальнейшим развитием советской федерации как доброзольного союза суверенных государств. Интересен подход автора к проблеме межнациональных отношений и разрешению конфликтов в данной сфере на основе тщательного правового регулирования всех аспектов решения национального вопроса.

Далее в семи главах исследуются непосредственно методы совершенствования законодательства. В ряде случаев даются формулировки малоизученных понятий, которые постепенно вводятся в оборот законодательных органов. Выводы по каждому предложению подкреплены обширным социологическим материалом.

В работе содержится много интересного материала по Каракалпакской АССР, на основе которого рассматриваются актуальные вопросы жизни автономной республики.

Автор достаточно самокритичен. Он отказался от прежней своей позиции в отношении исключения уголовной ответственности за некоторые виды правонарушений (например, за потери хлопка), изложенной в его работе «Теоретические основы совершенствования советского уголовного законодательства» (Ташкент: Узбекистан, 1983), и переосмыслил свою позицию, предлагая лишь совершенствовать ст. 183 УК УзССР (с. 135). То же самое относится и к предложению о проведении экспериментов по квалификации преступлений и назначении наказания с помощью ЭВМ (с. 133). Причем, как видно из книги, для подкрепления своей позиции автор провел специальное исследование с привлечением аспирантов и студентов факультета прикладной математики ТашГУ им. В. И. Ленина.

Книга рассчитана на научных и практических работников, студентов вузов, но безусловно заслуживает внимания широкого круга читателей, интересующихся проблемами совершенствования советского законодательства и построения правового государства.

А. Расулев, К. Мирзаянов

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ЮНЕСКО ПО ПРОБЛЕМАМ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Предпринимаемые сегодня странами Евразийского материка действия по активизации торгово-экономического, научного и культурного обмена отвечают глубоким историческим связям этих народов, зародившимся в древности и сыгравшим важную роль в укреплении их мирных взаимоотношений, интеграции культур, научно-техническом прогрессе.

Не случайно принятая в 1988 г. ЮНЕСКО Программа взаимодействия народов «Шелковый путь — путь диалога» приобрела сегодня большую популярность и в разработку ее социально-экономических и общественно-культурных проектов включилось более 30 стран.

Советским комитетом ЮНЕСКО намечено проведение в СССР серии семинаров по проблемам изучения Великого шелкового пути (ВШП).

В функционировании его важную роль играли города Мавераннахра, среди которых ведущее место занимал Самарканд, получивший в средневековье название «гавани Мавераннахра».

Поэтому первый семинар, посвященный формированию и развитию трасс ВШП в Центральной Азии в древности и средневековье, был проведен на базе Института археологии АН УзССР в Самарканде 1—6 октября 1990 г. Ввиду большого объема вопросов, выдвинутых на семинар, предварительно, с 26 по 30 сентября, был организован коллоквиум, специально посвященный культуре древнего и средневекового Самарканда и его историческим связям.

В работе семинара и коллоквиума приняли участие 106 ученых, в том числе 17 зарубежных (из США, Англии, Франции, ФРГ, Дании, Турции, Израиля, Шри-Ланки) и 89 советских — из Москвы, Ленинграда, Узбекистана и других республик Союза.

Семинар открыл академик АН УзССР А. А. Аскарлов. Участников его приветствовали председатель Самаркандского областного Совета П. А. Абдурахманов, профессор Гарвардского университета Р. Н. Фрай и турецкий ученый Н. Диярбекирли.

Тема семинара охватила 4 раздела проблем Великого шелкового пути: 1. Общие проблемы ВШП, его генезис и пути формирования. 2. Основные сухопутные трассы ВШП. 3. Регионы и узловые центры ВШП. 4. Экономические и культурные аспекты функционирования пути.

На семинаре было представлено 67 докладов, из них заслушано 52, в том числе 6 стендовых — на самих объектах культуры.

Первый раздел объединил 11 докладов (А. А. Аскарлов, Ю. Ф. Буряков, В. И. Гуляев, Э. В. Сайко, Б. Я. Ставиский, Ю. В. Павленко), раскрывающих ВШП как фактор экономической и интеллектуальной интеграции, место города в структурной организации ВШП, связь евро-азиатских коммуникаций с развитием духовной культуры, роль ВШП как первой трансконтинентальной трассы обмена товарами и достижениями культуры. В докладах говорилось и о зарождении обмена с поры первобытнообщинного строя и поры раннего железа в регионах земледельческой культуры, роли традиционных путей кочевания и перегона скота в сложении древних трасс транзитной торговли, влиянии их на сложение новых оседлых центров и формирование культовых очагов (М. А. Бубнова, Н. Г. Горбунова, Б. И. Вайнберг, Т. Ш. Шириннов, М. И. Филанович).

Археологические исследования показали, что торговые трассы, связывавшие центральные регионы Востока с Индией, складываются уже с середины I тыс. до н. э., они тянутся через ахеменидский Иран вплоть до Хорезма. Существовавший в древности сток Амударьи в Каспий через Узбой—Сарыкамыш способствовал регулярным связям с Западным Ираном через Кавказ. Если учесть, что в то время поддерживались и связи со Средиземноморьем, можно полагать, что основные линии торговли были уже подготовлены, и открытие ханским Китаем западных стран стало явлением скорее политическим, чем экономическим (В. М. Массон).

Налаживание трансконтинентальной торговли именно с первых веков до н. э. связывается, во-первых, с оформлением четырех империй: Рима, Парфии, Кушанского царства и государства Хань, а во-вторых, — с развитием мореходства, оформлением морского пути. Именно с этого времени импортная продукция в регионах Востока становится постоянной (Б. Я. Ставиский).

Большой интерес представил основанный на прочтении новых письменных источников доклад С. Г. Кляшторного и В. А. Лившица о согдийцах Центральной Азии и их роли как ретрансляторов торговых связей. Начало освоения согдийцами путей в Китай, сложения их колоний в Восточном Туркестане относятся авторами к IV—III вв. до н. э. и связываются с выселением части их из Согды в период завоевания последнего греко-македонцами, т. е. задолго до путешествия Чжаи Цяня в Среднюю Азию (138—126 гг. до н. э.), традиционно связываемого с открытием ханским Китаем западных стран и началом функционирования ВШП.

«Старые письма» Дуньхуана (начало IV в. н. э.) свидетельствуют уже о давно налаженных торговых операциях крупных самаркандских купцов через постоянных согдийских контрагентов, живших в Восточном Туркестане. А для VI—IX вв. здесь известны целые согдийские владения, пользовавшиеся определенной автономией. Большую роль сыграла культурная деятельность согдийских буддистов, манихеев и христиан. В отличие от юридически бесправных в Восточном Туркестане сасанидских купцов, согдийцы-поселенцы составляли там второе сословие (последние воинов).

Оживленную дискуссию вызвало проблемное выступление Э. А. Новгородовой в защиту восточной зоны формирования культуры индоевропейцев и их миграции. В Среднюю Азию из Восточного Туркестана и Западной Монголии. При обсуждении его лингвистами была отмечена возможность сосуществования в восточных районах Туркестана еще с древности и ираноязычных, и тюркоязычных народов и бытования в этом регионе, вплоть до Семиречья, двух языков, в пользу чего говорят отдельные находки тюркского письма в Южном Казахстане (Иссык) и Семиречье.

Основная группа (34 доклада) была посвящена характеристике ВШП, регионам и узловым центрам на этих путях. В них детально прослежены отрезки трасс в пределах крупных регионов: в Согде, Бактрии, Фергане, Семиречье, степных регио-

нах, эволюция основных линий в связи с политическими и экономическими событиями в Среднеазиатском междуречье, роль торговых трасс во взаимоотношениях стран Востока и Запада (доклады Г. А. Брыкиной, Г. Я. Дресвянской, Ю. П. Манылова, Ю. Ф. Бурякова, Н. Б. Немцевой, К. Ташбаевой, Л. В. Ведутовой, К. М. Байпакова, С. А. Ахинжанова и др.).

Стационарные работы на трассах позволили выявить новые направления связей с севером и западом (Ю. П. Манылов), с юго-западом (Г. Я. Дресвянская), востоком (Н. Б. Немцева), посредническую роль регионов, например, Ферганы, где скрещивались пути земледельцев и скотоводов (Г. А. Брыкина), и городов Киргизии (Л. В. Ведутова), выявить неизвестные ранее пункты на центральных трассах пути (Ю. Ф. Буряков), наметить по археологическим данным этапы наиболее интенсивного функционирования отдельных отрезков трасс (К. Ташбаева), определить комплексы перевалочных центров на магистральных трассах и периферийных отрезках (М. Л. Шевцов).

В докладах приводились новые сведения из письменных источников, данные топонимики, этнографические, археологические, нумизматические материалы об основных направлениях связей, важнейших товарах, культурных взаимовлияниях и др. (Р. Н. Фрай, Н. Диярбекирли, О. Боперачи, П. Бернар, Ф. Грене, Б. А. Абдулгазиева, А. А. Анарбаев, Ю. А. Заднепровский, Р. Г. Мукминова, Н. Т. Рахимов, Д. Хуфф, К. Рандсберг).

Наиболее широко изучены материалы Самарканда, обсужденные на специальном коллоквиуме. Детально были охарактеризованы центры Ферганы, как городские (А. А. Анарбаев, Ю. А. Заднепровский, Б. Х. Матбабаев), так и сельские (Б. А. Абдулгазиева). Комплексы представлены такие регионы, как долина Таласа (К. М. Байпаков), Кашкадарья (С. Б. Лунина), уструшано-ходжентский узел (А. А. Грицина, Н. Н. Негматов, Н. Т. Рахимов), крупные узловые центры — Бухара, Пайкент, Несеф (Д. К. Мирзаахмедов, А. Р. Мухамеджанов, Р. Х. Сулейманов), а также Азербайджан, находившийся на перекрестке античных торговых путей (К. О. Кашкарлы).

Большой интерес вызвали уникальные материалы из контактных регионов, в первую очередь джетысарской культуры нижней Сырдарьи (Л. М. Левина).

Группа докладов была посвящена экономическим и культурным взаимосвязям регионов, охватываемых ВШП, их товарообмену и развитию ремесел, культуры и т. д.

Исследования памятников культуры позволили проследить путь религиозных движений, в частности манихеев Согда (К. Абдуллаев), выявить структуру культовых центров Согда и Чача (А. Э. Бердимурадов, Г. И. Богомолов), характерные атрибуты согдийской религиозной обрядовости — оссуарии как памятники международных связей Согда (Т. К. Мкртычев, А. И. Наймарк).

Изучалось и значение ВШП в развитии торговых и культурных связей Южной Сибири со Средней Азией (Ю. С. Худяков). Новую точку зрения на тематику широко известных в науке монументальных росписей Афрасиаба представил Б. И. Маршак. Роль ВШП в распространении технических знаний раскрыта в докладах, посвященных производству и обработке металлов (Л. В. Конькова, О. А. Папахристу), стеклянных изделий (А. А. Абдуразаков), одежды (Г. М. Майтдинова), керамики (П. Т. Самойлик), формированию общественной и культовой архитектуры (Н. Х. Рахимбаева).

Все эти доклады позволили развить теоретическую, методическую и фактологическую базу проблемы, определить задачи предстоящих исследований, проведения новых научных экспедиций и их обсуждений на форумах ученых.

Участниками семинара была принята развернутая резолюция, в которой говорится:

«1. а) отметить актуальность теоретических и методических разработок, поднятых в докладах А. А. Аскарова, Ю. Ф. Бурякова, В. И. Гуляева, Э. В. Сайко, Ю. В. Павленко, Б. Я. Ставского;

б) необходимость дальнейшего анализа письменных источников, представленных Н. Слимс-Вильямсом, В. А. Лившицем и С. Г. Кляшторным, Р. Г. Мукминовой и М. М. Абрамовым;

в) отметить важность этнических исследований Центральной Азии по вызвавшему оживленную дискуссию докладу Э. А. Новгородовой;

г) расширить на единой методической основе археологические исследования, обратив внимание на узловые районы, дающие новые уникальные материалы, которые были представлены П. Бернаром, Ф. Грене, Л. М. Левиной, Б. И. Вайнберг, К. М. Байпаковым, Ю. С. Худяковым и рядом других исследователей; на взаимодействии земледельческих регионов (Р. Н. Фрай, Д. Хуфф, Н. Диярбекирли, Ю. А. Заднепровский), роль кочевников в обмене (Н. Г. Горбунова, М. А. Бубнова), новые объекты на трассах пути (Ю. П. Манылов, Г. Я. Дресвянская, М. Л. Шевцов, Ю. Ф. Буряков);

д) подчеркнуть необходимость комплексных исследований, включающих и технологический, и топонимический, и нумизматический, и искусствоведческий анализ источников (К. Рандсберг, О. Боперачи, А. Р. Мухамеджанов, Л. В. Конькова, Б. Д. Кочнев).

2. Отметить положительный опыт совместной работы архитекторов-реставрато-

ров и археологов Казахстана на трассе ВШП и одобрить предложение Института реставрации Госкомкультуры КазССР по комплексному изучению, музеефикации и регенерации исторического ядра г. Туркестана.

3. Обратить внимание Министерства культуры УзССР и Академии наук УзССР на необходимость срочной консервации и музеефикации осмотренных археологических объектов на трассах Великого шелкового пути в целях их активного использования в туристско-экскурсионной работе по осуществлению проекта ЮНЕСКО.

4. Обратиться в Национальный комитет СССР при ЮНЕСКО по Великому шелковому пути с предположениями:

а) определить реальные варианты направлений экспедиций по трассам ВШП в пределах СССР на 1991—1992 гг.;

б) рассмотреть маршрут их движения с Востока на Запад как продолжение Китайской экспедиции по участку СУАР КНР с приглашением зарубежных специалистов.

5. Рассмотреть предложение украинской делегации (М. Л. Шевцов) о проведении в сентябре—ноябре 1991 г. семинара в Донецке или Святогорске по проблемам взаимосвязей Востока и Запада на трассах ВШП.

6. Опубликовать в рамках Национального комитета сборник основных докладов данного семинара на русском и английском языках.

В рамках работы семинара участники его ознакомились с городищем Афрасиаб и другими историко-культурными и архитектурными объектами Самарканда, культовым центром раннесредневекового Согда на трассе ВШП—Джартепа (V—VII вв.), Ургутом (где сохранились редкие этнографические объекты и традиции сувенирного производства). Были совершены поездки по отрезкам древних караванных путей в Пенджикент, Кеш, Несеф, на памятник городской культуры Бактрии II тыс. до н. э. Джаркутан и др.

А. А. Аскарлов, Ю. Ф. Буряков

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 460-летию «БАБУР-НАМЕ»

22 октября 1990 г. во дворце культуры ТашГУ им. В. И. Ленина состоялся международный научно-теоретический симпозиум на тему «Бабур-наме и восточный Ренессанс». В работе его приняли участие ученые научно-исследовательских институтов АН УзССР и АН ТаджССР, преподаватели ТашГУ им. В. И. Ленина, СамГУ им. Алишера Навои, представители Союза писателей УзССР: народный писатель УзССР П. Кадыров, писатели Махмуд Саъди, Тахир Малик, Шавкат Рахмон и другие, а также зарубежные гости: афганский писатель Асадулла Хабиб, афганская поэтесса Шафика Яркани, помощник посла Пакистана Фаррух и др.

Пленарное заседание открыл ректор ТашГУ, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупов. Подчеркивая значение симпозиума, он отметил актуальность проведения 460-летия со времени написания шедевра классической литературы «Бабур-наме». Этот замечательный памятник отличается обилием фактического материала, отражающего историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV—начала XVI в. Богато и многогранно поэтическое наследие Бабура. Его стихи благодаря оригинальности их содержания и совершенству поэтической формы не утратили своей ценности и в наше время.

Заслуги Бабура как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта признаны мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира. Подтверждением тому служит и то, что в этом симпозиуме принят участие гости из Индии, Афганистана, Пакистана, Германии.

В кратких выступлениях гостей подчеркивались важность изучения «Бабур-наме», его роль в истории культуры народов Востока. Они дали высокую оценку многосторонним дарованиям Бабура. Одновременно они делали акцент на развитие творческих связей ученых Советского Узбекистана и зарубежных стран.

Затем на пленарном заседании с подробным докладом на тему: «Коронный труд Бабура «Бабур-наме» выступила бабуровед, чл.-кор. АН УзССР, заслуженный деятель науки УзССР С. А. Азимджанова, которая дала обобщающую характеристику творчества Захириддина Мухаммада Бабура и значения «Бабур-наме» как важного источника по истории Средней Азии, Афганистана и Индии.

Докладчик отметила, что «Бабур-наме»— в высшей степени своеобразный исторический документ. По своему содержанию, стилю, характеру освещенных в ней исторических, социально-экономических, географических данных она не имеет себе равных. По ценности содержащегося в ней фактического материала и стилю изложения она стоит особняком в ряду многих исторических трудов, написанных в средние века на Востоке. Бабур как крупный ученый-историк, великодушный поэт-лирик занимает особое место в мировом востоковедении. «Бабур-наме» ценна и тем, что Бабур написал овой труд в особом, только ему присущем стиле, и тем самым заложил основу зарождения мемуарной литературы в историографии народов Востока, доказав возможность полного отхода от традиционной, сухой, компилятивной фор-

мы изложения политических событий, характерной для трудов его современников. Этим и объясняется ценность бессмертного научного наследия Бабура, неизменная популярность его труда в мировой востоковедческой науке.

С докладом «Бабур и отношение к нему народов Центральной Азии» выступил чл.-кор. АН ТаджССР, заслуженный деятель науки ТаджССР А. М. Мухтаров. Он привел интереснейшие факты, содержащиеся в «Бабур-наме» относительно народов Центральной Азии, их этнических особенностей, а также осветил вопросы этики, морали и другие аспекты эпохи Бабура.

«Бабур-наме» — важный источник в изучении истории казахов — такова была тема доклада гостя из Алма-Аты П. Р. Қожабекова. Он привел отдельные данные из «Бабур-наме», касающиеся истории казахского народа, и сообщил, что в связи с 460-летием «Бабур-наме» в Алма-Ате выпущен перевод ее на казахский язык, осуществленный П. Р. Қожабековым, с предисловием С. А. Азимджановой.

Ряд научных докладов, посвященных изучению «Бабур-наме» как исторического и литературного памятника, а также эпохи Бабура в целом, были заслушаны и двух секциях: секции истории (руководители: ректор ТашГУ, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупов, вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР И. И. Искандеров) и секции литературы и книжного искусства (руководители: чл.-кор. АН УзССР, заслуженный деятель науки УзССР А. П. Каюмов и народный писатель УзССР П. Кадыров). Всего было прочитано 13 докладов.

Доклад доктора ист. наук, директора ИВ АН УзССР А. Урунбаева был посвящен сравнительному текстологическому изучению «Бабур-наме» и «Тарих-и Рашиди». Как известно, в дошедших до нас рукописях «Бабур-наме» имеются лакуны, хронологическая последовательность текста прерывается отсутствием описания событий некоторых годов. Чтобы восполнить этот пробел, ученые обращаются к другим источникам. Одним из них является «Тарих-и Рашиди», написанный через 10—15 лет после «Бабур-наме» племянником Бабура Мирзо Мухаммад Хайдаром, ставшим как бы продолжателем Бабура в создании мемуарной литературы. А. Урунбаев сообщил, что данный труд уже переведен на русский язык (Л. М. Епифанова, Р. П. Джалилова) и перевод этот должен быть опубликован, что принесет несомненную пользу не только в дальнейшем изучении «Бабур-наме», но и вообще в изучении истории Средней и Центральной Азии средних веков.

О трактате «Рисола-и муаммо» рассказал чл.-кор. АН УзССР, заслуженный деятель науки УзССР А. П. Каюмов. Тщательный анализ анонимного сочинения, хранящегося в Институте рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР, разбор отдельных муаммо позволили ученому установить, что этот труд принадлежит перу Бабура и дальнейшие исследования указанного сочинения углубят наши знания по данной проблеме.

«Шарады Бабура» — так была озаглавлена тема доклада С. Хасанова. Он рассказал, что Бабур написал 52 стиха-шарады, из них пока раскрыто лишь 5 шарад, которые свидетельствуют о мастерстве Бабура в сочинении стихов этого жанра. Докладчик указал на важность продолжения исследований над еще на раскрытыми стихами-шарадами Бабура.

Доклад канд. филол. наук Ф. Қ. Сулеймановой «О миниатюрах к «Бабур-наме» был посвящен изучению трех рукописей «Бабур-наме» (из Британского музея, Гос. музея в Новом Дели и Гос. музея в Альваре), в которых содержатся миниатюры, созданные в XVI—XVIII вв. Все они иллюстрируют содержание мемуаров и представляют большую ценность.

Мемуары Бабура богаты материалами, касающимися торговли городов Мавераннахра — Самарканда, Андижана и Бухары на рубеже XV—XVI вв. с Китаем, Индией и другими странами. Об этом рассказал в своем докладе канд. ист. наук Н. Н. Хабибуллаев.

Доклад на тему «Художественные особенности «Бабур-наме» сделал канд. филол. наук С. Джамалов, проанализировавший многочисленные оригинальные слова, выражения, народные пословицы, метафоры и т. п., использованные Бабуром в его труде.

Канд. филол. наук М. Халбеков (Самарканд) в своем выступлении на тему «Изучение «Бабур-наме» во Франции в XX в.» особо отметил признание заслуг Бабура востоковедческой наукой мира, в частности Франции, ученые которой начали изучать творчество Бабура еще в XVI в. В 1983 г. появился новый перевод «Бабур-наме» на французский язык, который осуществил доктор Жан-Луи Бакье Грамон. Предисловие к нему написали французский ученый Луи Базен, узбекский ученый С. А. Азимджанова, афганский исследователь Абдулхай Хабибий, индийский ученый Мухиббул Хасан. Второе издание его вышло в свет в 1985 г. (в продажу поступило в 1986 г.).

Канд. филол. наук Р. Инамходжаев в своем докладе, построенном на анализе рукописных источников, подробно охарактеризовал тюркоязычные стихотворения Бабура и его современников — индийских поэтов.

Канд. филол. наук С. Шукуруллаева отметила, что в изучение «Бабур-наме» и ознакомление с ее содержанием мировой обществу значительный вклад внесли ученые зарубежных стран, в частности Англии. Она подробно остановилась на переводе «Бабур-наме» А. Беверидж.

В целом работа симпозиума прошла на должном научно-теоретическом уровне, в обстановке оживленной творческой дискуссии.

23 октября участники симпозиума прибыли в Андижан — родной город отца Бабура, Умар Шейха, где провел свои молодые годы и сам Бабур. Они побывали в доме-музее Бабура, который функционирует как часть областного музея литературы и искусства; посетили старый базар, где ознакомились с деятельностью местных ремесленников; присутствовали на открытии мраморной доски на месте будущего памятника Бабуру. В тот же день в областном театре им. Ахунбабаева состоялся торжественный вечер, посвященный 460-летию «Бабур-наме».

24 октября участники симпозиума прибыли в Самарканд, которым в конце XV — начале XVI в. трижды за короткие сроки овладевал Бабур, оставивший подробное описание города того времени. Посещение исторических мест древнего города, встречи в школах, вузах, на предприятиях, присутствие на торжественном литературном вечере в театре оперы и балета оставили у гостей большое впечатление.

25 октября состоялся торжественный литературный вечер в ГАБТе им. Алишера Навои. Вечер вел первый секретарь Союза писателей Узбекистана О. Якубов. Народный писатель УзССР П. Кадыров рассказал собравшимся о «Бабур-наме». Выступившие участники симпозиума говорили о значении «Бабур-наме» и о своих впечатлениях, полученных от четырехдневного пребывания на родине Бабура.

Н. С. Кариева

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. Э. БЕРТЕЛЬСА

Исполнилось 100 лет со дня рождения одного из выдающихся советских востоковедов Евгения Эдуардовича Бертельса.

Е. Э. Бертельс родился 13 (25) декабря 1890 г. в Петербурге в семье врача. В 1914 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, а в 1920 г. — восточное отделение факультета общественных наук Петроградского университета (и почти одновременно консерваторию).

К этому времени прочно определился интерес Е. Э. Бертельса к востоковедению. Прекрасное знание турецкого и персидского языков позволило ему занять в 1920 г. должность научного сотрудника Азиатского музея Российской Академии наук. С тех пор он почти беспрерывно работал в Азиатском музее — Институте востоковедения АН СССР, возглавляя в последние годы сектор публикаций памятников и документов народов Востока. В начале 20-х годов Е. Э. Бертельс преподавал в Московском государственном университете и других учебных заведениях.

В 1928 г. Е. Э. Бертельсу было присвоено звание профессора, а в 1935 г. — степень доктора филологических наук.

Наиболее успешно научные занятия Е. Э. Бертельса проходили в области изучения суфийских рукописей из собраний Азиатского музея. Только в 1924—1929 гг. им было опубликовано свыше 20 исследований, посвященных суфизму и суфийской литературе на персидском и арабском языках, преимущественно в литературно-художественном аспекте.

С начала 30-х годов научная деятельность Е. Э. Бертельса оказывается тематически все более тесно связанной с Советским Востоком, в частности Средней Азией. Он изучает узбекскую и туркменскую литературу, в том числе наследие Алишера Навои, которому посвящена его книга «Опыт творческой биографии» (1948). Другая работа Е. Э. Бертельса посвящена старшему современнику А. Навои Абдурахману Джамии, в которой также на широком фоне общественной и литературной жизни Хорасана и Средней Азии средневековой поры прослеживаются связи узбекской и таджикской литературы. Среди литературоведческих работ Е. Э. Бертельса по восточной тематике выделяется его исследование «Роман об Александре и его главные версии на Востоке».

Е. Э. Бертельс — автор первой сводной работы по истории туркменской литературы, основоположник низамиведения в Азербайджане, один из первых исследователей турецкой литературы, крупный специалист по таджикско-персидской литературе, выдающийся тюрколог, основатель и один из руководителей советской школы иранской текстологии, историк культуры народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Много внимания уделял он вопросам теории и практики подготовки критических изданий классических памятников литературы средневекового Востока. Его плодотворным исследованиям по широкому спектру востоковедных наук во многом способствовало то, что талантливый ученый-полиглот владел почти 30 языками народов Запада и Востока.

В дни Великой Отечественной войны Е. Э. Бертельс вместе с группой ленинградских востоковедов был эвакуирован в Ташкент, где возглавил Иранский кабинет ИВ АН СССР, работал над темами: «История персидской литературы X—XV вв.», «Персидская литература в Средней Азии», «Литературное прошлое Узбекистана». В 1942—1946 гг. он был научным сотрудником Института языка и литературы Узбекского филиала АН СССР (с 1943 г. — АН УзССР).

Среди многочисленных учеников Е. Э. Бертельса немало ученых из Узбекистана и других республик Средней Азии.

За большие заслуги в развитии востоковедения Е. Э. Бертельс в 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Он был также почетным академиком АН Туркменской ССР, заслуженным деятелем науки Узбекской и Таджикской ССР, членом-корреспондентом Академий наук Ирана и Сирии. В мае 1948 г. ему — первому из советских востоковедов — была присуждена Государственная премия СССР за участие в подготовке к изданию критического текста поэмы Низами «Искандернаме». Он был также награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями.

Скончался Евгений Эдуардович в Москве 7 октября 1957 г. Он оставил по себе добрую память как выдающийся ученый, глубоко преданный тому делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА за 1990 ГОД

СТАТЬИ

	№	Стр.
Абдуллаев К. Н. Из истории бухарской послереволюционной эмиграции (К историографии проблемы)	4	49—55
Абдурахманов А. А. К проблеме межнациональных отношений.	7	11—17
Азизходжаев А. А. Правоохранительная функция Советского государства и ее соотношение с другими видами правоохраны.	1	3—9
Аликулов Э. А. О собственности в Узбекской ССР.	9	16—23
Алимов А. М., Эрматов Т. Ш. Развитие международного научно-технического сотрудничества Узбекистана в новых условиях хозяйствования	11	23—28
Артыков Т. А. К проблеме квантовомеханического описания физической реальности	1	14—21
Артыков Т. А. О содержании физического принципа относительности	7	23—29
Аскарлов А. А., Буряков Ю. Ф. Археологические работы 1989 года в Узбекистане и задачи исследований по программе «Шелковый путь — путь диалога народов»	5	37—45
Беркинов Б., Аскарлов Х. Методы разработки нормативов производственных затрат в сельском хозяйстве	5	18—37
Богуславский А. Организационные принципы создания арендных коллективов	6	15—22
Валиев А. К. Перестройка и актуальные проблемы социологии в Узбекистане	11	3—7
Выдрин А. А. Из истории языковой политики в Узбекистане	11	29—35
Закиров И. Б. О роли гражданского права Хорезмской и Бухарской НСР в осуществлении их перехода к социализму	2	32—40
Зияев Х. Завоевание Бухарского и Хивинского ханств царизмом.	8	30—39
Зияев Х. З. К истории завоевания узбекских ханств царизмом.	1	22—30
Ибрагимова К. Структура и социальная сущность быта	4	33—40
Исламова О. Д. К проблеме создания и функционирования местных предприятий	10	9—13
Кадиров А. М. Стоимостные и натуральные показатели оценки потребления продуктов питания в регионе	12	16—21
Касымова М. Ш. Актуальные проблемы изучения истории Узбекистана периода Великой Отечественной войны	5	5—11
Ким Н. Н. О хозяйственном расчете в науке	9	3—9
Миренский Б. А. К разработке новой концепции системы советского уголовного законодательства	10	25—34
Мирза-Ахмедова П. М., Рашидова Д. А. К изучению джадидского движения	7	30—40
Музафаров Р. Из истории партизанского движения в Крыму (1941—1944)	5	12—17
Мухамеджанов А. Законодательство о выборах и практика его реализации (По материалам УзССР и РСФСР)	11	7—16
Нармухамедов А. Х. К проблеме активизации демократических начал социально-экономического развития Узбекистана	2	14—20
Нигай С. Л. Развитие социалистической обрядности как фактора совершенствования межнациональных отношений в условиях обновления социализма	2	20—31
Нуруллаев Т. Д. Современное состояние экономики Узбекистана и проблемы перехода к рынку	12	3—
Очилов Ш. Г. Из опыта развития общественного самоуправления в Узбекистане	8	10—15

	№	Стр.
Прилуцкий Е. А. Некоторые вопросы формирования советской национальной государственности в Туркестане	6	23—29
Проскурин В. К., Амбарцумова И. М. Развитие форм собственности и сближение условий аграрного и индустриального труда	4	15—23
Рашидов У. О роли кооперации в стабилизации внутреннего потребительского рынка	11	16—23
Ризаев С. Р. О региональных и национальных факторах в работе с партийными кадрами	6	5—15
Рузиев Ф. К., Файзиев У. М. Некоторые вопросы структурной и инвестиционной политики в Узбекистане	3	3—6
Сабилова Л. Ш. Ретроспективный анализ и динамика взаимодействия человека и биосферы	9	9—15
Саидов А. Х. О модели новой Конституции Узбекской ССР	10	19—25
Сеитов П. Д. К проблеме развития в системе диалектики	4	40—48
Султанов А. К. О формировании нового хозяйственного механизма в текстильной промышленности Узбекистана	1	9—14
Султанов Н. С., Ядгаров Г. Д. О перестройке управления промышленностью УзССР	3	6—9
Тансыкбаева С. И. Исламский фактор во внутриполитической жизни Пакистана	12	21—30
Туляганов А. Т. Ленинские идеи совершенствования государственного управления и реформа политической системы советского общества	4	5—14
Тухлнев Н. Некоторые методологические и практические аспекты перевода экономики республики на принципы самофинансирования и самоуправления	7	3—10
Тухтамышев А. У. Человеческий фактор как социально-экономическая категория	8	3—10
Усманов М. Б. Юридическое понятие аренды земли	10	3—9
Файзуллаев А. Ф. Принцип раздвоения единого как основа познания диалектических противоречий	8	22—29
Хакбердиева Ф. Т. Правовые проблемы управления наукой	8	15—22
Хакимов Ш. Ф. О правовом режиме фондов экономического стимулирования	4	23—33
Хасанов М. К. «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки	2	41—52
Хикматов А. Х., Шепселев В. М., Радченко В. М. Основные положения изведения хозрасчетных отношений, самофинансирования и самоуправления города Ташкента	2	1—13
Черкашина И. А. Межхозяйственные сельскохозяйственные предприятия как субъекты права водопользования	12	10—16
Шарахметов С. С., Якубов С. А. К вопросу совершенствования гражданского процессуального законодательства Узбекской ССР	7	17—23
Эргашев Б. Х., Касимова З. И. О раннем философском творчестве А. Фитрата	10	13—18
Яхшиликов Ж., Узакова Н. Взаимосвязь субъективного и объективного в творческой активности трудящихся	3	9—15

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Абдуллаев Т. У., Рахимов М. Р. О роли общесоветских традиций в формировании личности	12	34—37
Абдуллаев У. Межнациональные браки и семьи в сельских местностях Ферганской долины	2	56—59
Абдухакимова С. А. К разработке методики изучения общественного мнения рабочего класса Узбекистана	2	53—56
Абдухакимова С. А. О специфике этапов формирования общественного мнения рабочего класса	8	40—44
Ахмедов А. А. Некоторые малоизученные аспекты «Зиджа» Улугбека	2	59—62
Батыров Б. Х., Батиров А. Р. К изучению териофауны на территории Узбекистана в антропогене	10	42—44
Варлашин С. Г. Патриотическая деятельность молдавцев Узбекистана в годы Великой Отечественной войны	6	37—42
Гангев А. Актуальные проблемы афганской фразеологии	6	42—45
Иванов В. А. О двух тенденциях в политическом просвещении в 20-е годы	4	58—62
Иногамджанова З. Ф. Правовая природа и социальная ценность частного определения	6	33—37

Ирисов А. Восточные рукописи в библиотеках Стамбула	4	62—64
Исламов У. И., Крахмаль К. А. Некоторые проблемы палео-экологической реконструкции ашельской стоянки Сельунгур	12	39—42
Исмаилова М. Я. Роль совместных предприятий в развитии научно-технического сотрудничества	12	31—34
Кариева Н. С. Новые поступления трудов индийских ученых в Институт востоковедения АН УзССР	8	45—49
Каримов Л. А. Некоторые аспекты правового статуса языка	7	41—43
Касымов М. Р. О проблемах изучения палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана	9	34—37
Кашкет Э. Г. Правовое регулирование участия в уголовном процессе представителей инспекций по делам несовершеннолетних	9	24—27
Кормилицын А. И. Распространение произведений В. И. Ленина партийной периодической печатью в Туркестане	4	56—58
Маххамов А. А. Роль Коканда в чайной торговле России со Средней Азией в конце XIX—начале XX века	7	43—46
Махмудов Э. Х., Усама Абд Алмажид. Ю воспроизводстве и использовании основных фондов в промышленности Ирака	3	16—20
Муминов А. К. Мавераннахрская школа фикха (IX—XIII века)	10	38—42
Наврузов С. О системе земледелия Хивы XIX—начала X века (По данным дореволюционной русской литературы)	8	49—51
Перевезенцева Т. В. К вопросу демократизации состава Советов УзССР (По данным историко-статистического анализа)	12	37—39
Сагдиев Э. Внутренняя торговля в Хивинском ханстве во второй половине XIX—начале XX века	9	30—34
Сверчков Л. М., Папахристу О. А. Традиции мастеров-ножевщиков (Средней Азии)	7	46—53
Туленова К. Ж. О роли и месте предвидения в структуре научного познания	9	27—30
Хасанов Б. В. К характеристике материального положения рабочего класса Узбекистана в 1946—1960 годах	11	40—43
Ходжайова Г. К., Усманова Е. Л. Этническая антропология населения Самаркандской области	3	20—23
Шафир В. В. О совершенствовании норм ответственности за нарушение законодательства о недрах	6	30—33
Щеглов И. А. Соединение противоположностей как форма разрешения социальных противоречий	10	35—38
Эшанкулова Л. П. О праве граждан на водопользование для сельскохозяйственных целей	11	38—40
Юсупов А. Т. К вопросу применения факторно-структурного подхода в научных и предплановых исследованиях	11	36—38

ВСТРЕЧИ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

Обсуждение задач изучения культурного наследия и проблем историко-философских исследований	5	46—58
	6	54—62
Обсуждение неотложных мер по оздоровлению народного хозяйства УзССР в XIII пятилетке	3	23—37

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

Анарбаев А. А., Матбабаев Б. Х. Мунчактепа — городской могильник в Северной Фергане	10	44—49
Ахунбабаев Х., Гренэ Фр. Археологические исследования на территории соборной мечети городища Афрасиаб в 1989 году	6	51—54
Баратов С. Р., Баратова Л. С. Уникальный брактеев из Варзикского могильника	1	35—38
Бернар Л., Исамиддинов М., Соколовская Л. Первый полевой сезон советско-французской экспедиции на Афрасиабе	6	45—51
Буряков Ю. Ф., Вафаев Г. А. Археологические материалы к истории древнего и средневекового Сагаджа	11	43—48
Дудаков С. А. Изучение рудников жерновов на территории Узбекистана	11	48—50
Ионесов В. Культовое захоронение на Джаркутане	1	31—35
Лебедева Т. И. Керамика Афрасиаба (II в. до н. э. — I в. н. э.)	8	51—57
Лунина С. Б., Усманова З. И. Терракотная плитка с изображением Будды из Сарыктепа	4	65—67
Мешкерис В. А., Луковский О. Ю., Погребная Д. И. Критерии математической статистики при исследовании содгий-		

	№	Стр.
ского канона в коропластике кушанской эпохи	2	63—67
Пидаев Ш. Р. Каменная поделка с городища Старого Термеза	9	37—41

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

Камилова С. С. К изучению истории общественно-философской мысли узбекского народа в высшей школе	12	42—43
Якубова С. И. Из практики этического воспитания будущих врачей в Андижанском госмединституте	1	38—40

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

Вексельман М. И. Новые документы по истории участия трудящихся коренных национальностей в борьбе за власть Советов в Узбекистане	10	49—52
Ходжаева Б. О взаимоотношениях Бухарского ханства с Афганистаном в первой четверти XIX века (По письмам эмира Хайдара)	7	53—56

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Зияев А. «Силсилат ас-салатин» как исторический источник	9	41—45
Казибердов А. Л. Средневековые арабоязычные логико-философские трактаты в рукописном фонде САДУМа	11	50—53
Каримов Э. Э. «Рашахот айн ал-хайат» как источник по изучению истории Мавераннахра XV века	1	40—43

ИСТОРИОГРАФИЯ

Қасымов Ф. Х. Некоторые вопросы новейшей историографии народных революций 1920 года в Хорезме и Бухаре	1	44—48
Лунин Б. В. Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис)	3	37—44
Шигабдинов Р. Н. Шефское движение в Узбекистане в литературе 20-х годов	12	44—45

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Желтова Г. И., Акопян Н. А. Г. А. Ахмеджанов. Советская историография присоединения Средней Азии к России	3	46—47
Робинсон Б. У. Фазила Сулейманова. Миниатюры к «Хамсе» Низами	8	59—61
Саркисянц Г., Абдумаджидов Г., Григорьев В. Советский уголовный процесс	3	45—46
Саттаров Т. С. А. М. Родригес. Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий	4	68—70
Стасько В. Н. М. Мирхамидов. Постпредство уполномочено сообщать	9	47—48
Шаниязов К., Шерматов А., Буриев А. Т. Нафасов. Толковый словарь топонимов Узбекистана (Южные районы Узбекистана)	8	57—59
Юлдашев А. М. Т. Х. Ташбаева, Д. М. Савуров. Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков	10	52—53
Юсупова Д. Ю. Н. Н. Туманович. Герат в XVI—XVIII веках	5	60

НОВЫЕ КНИГИ

Абдуллаева М. Н., Хашимова И. С. З. Абдуллаев. Развитие экологических отношений и экологического сознания в условиях обновления социализма	11	53—54
Алимова Д. Краеведение Сурхандарьи: Сборник статей	4	70—71
Буряков Ю. Ф., Валиходжаев Б. Н. М. Абрамов. Гузары Самарканда	3	48
Валиева Д. Ш. А. Ниязатов. Ирано-иракский конфликт: исторический очерк	6	63
Гиясов Т. И. М. Хашимов, М. М. Кутина. Деятельность Индий-		

ского национального конгресса и региональных общественных организаций Индии	1	48—49
Кунденко Н. Н., Каменев Е. Д. А. К. Таксанов. Перестройка и некоторые проблемы национальных кадров рабочего класса	3	47—48
Мачин Г. В. Ж. А. Зайченко. Классовая борьба в узбекском кишлаке (1925—1929)	9	48
Расулев А., Мирзажанов К. Б. А. Миренский. Методологические основы и методы совершенствования законодательства	12	46
Саркисянц Г. П. А. Азизходжаев. Проблемы правоохранительной деятельности местных Советов	10	53—54
Талипов Н. А. Из истории свободомыслия народов Средней Азии	7	56—57
Хасанов М. Х., Бабаев Б. Д. Ф. Ю. Исмаилов. Преемственность в историческом процессе	5	61

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-летию М. А. Бабаходжаева	1	49—50
К 60-летию В. М. Бикрицкого	9	46—47
К 60-летию К. И. Ивановой	9	45—46
К 70-летию У. И. Каримова	4	67—68
К 75-летию Г. А. Пугаченковой	2	67—68
К 60-летию С. Шермухамедова	5	58—59

ХРОНИКА

Агабеков А., Гафурова Л., Кнопов Б. Годичные общие собрания в Академии наук УзССР	5	61
Аскарлов А. А., Буряков Ю. Ф. Международный семинар ЮНЕСКО по проблемам Великого шелкового пути	12	46—49
Ахраров И. Конференция, посвященная 50-летию кафедры археологии ТашГУ им. В. И. Ленина	5	65
Богданова Д. Х. Конференция по проблемам перехода на интенсивный путь расширенного воспроизводства	3	48—52
Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Межрегиональная конференция «Город и процесс урбанизации Средней Азии (древность и средневековье)»	1	51—53
Валиев А. К., Туляганов Ш. Т. Всесоюзная конференция «Диалектические противоречия в общественном развитии и пути их разрешения»	7	57—60
Вахабова Б. А. Рабочее совещание по проблемам восточной археологии	9	49—50
Ионесов В. И. Международный форум историков в Мадриде	11	54—56
Кариева Н. С. Международный научно-теоретический симпозиум, посвященный 460-летию «Бабур-наме»	12	49—51
Каямова Т. С. Симпозиум «Изучение культурного наследия народов Средней Азии и Казахстана: итоги, проблемы, перспективы»	10	55—58
К столетию со дня рождения Е. Э. Бертельса	12	51—52
К столетию со дня рождения И. И. Умвякова	8	61—62
Матвиевская Г. П. Международный коллоквиум по истории арабской науки и философии	1	50—51
Махмудов М. Конференция, посвященная 70-летию Хорезмской народной революции	2	69—70
Нигматов Х. Г., Нафасов Т. Н. Вторая республиканская научно-практическая конференция по ономастике Узбекистана	1	53—55
Сотвалдиев О. Музейные выставки, посвященные 45-летию Победы	6	64
Султанова Н. К., Цой Е. Т. Выставка, посвященная Ленинскому юбилею	4	71—72
Транис Л. М. Совещание руководителей институтов истории среднеазиатских республик и Казахстана	10	58—61
Якубова Ф. Г. Новые передвижные выставки Музея истории народов Узбекистана	9	50—51
Атабай Ишанович Ишанов (1916—1990)	10	61—62
Соли Ашурходжаевич Раджабов (1912—1990)	5	65
Утвержденные темы докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму	11	56—57

МУНДАРИЖА

Т. Д. Нуруллаев. Бозорга ўтиш даврида Ўзбекистон иқтисодиётининг ҳозирги ҳолати	3
И. А. Черкашина. Хўжаликлараро қишлоқ хўжалик корхоналари сувдан фойдаланиш ҳуқуқий субъекти сифатида	16
А. М. Қодиров. Музофотда озиқ-овқатларни истеъмол қилишни баҳолашда нарх ва табиий кўрсаткичлар	16
С. И. Тансиқбоева. Покистоннинг ички сиёсий ҳаётида ислом омили.	21

Илмий ахборот

М. Я. Исмоилова. Қўшма корхоналарни барпо этиш — халқаро илмий-техник ҳамкорликнинг самарали шакли.	31
Т. У. Абдуллаев, М. Р. Раҳимов. Шахснинг шаклланишида умумсовет анъаналарининг аҳамияти ҳақида.	34
Т. В. Перевезенцева. 50-йилларда ЎзССР Советлар таркибини демократиялаштириш тарихига оид (Тарихий-статистик таҳлил асосида)	37
У. И. Исломов, Қ. А. Крахмаль. Селўнгир ашел манзилгоҳининг палео-экологик тикланишининг баъзи муаммолари.	39

Олий ўқув юртларининг ўқитувчиларига ёрдам

С. С. Комилова. Олий ўқув юртларида ўзбек халқининг ижтимоий-фалсафий тафаккури тарихини ўрганиш масаласига доир.	42
---	----

Тарихшунослик

Р. Н. Шигабдинов. 20-йиллар адабиётида Ўзбекистондаги оталиққа олиш ҳаракати.	44
---	----

Янги китоблар

А. Расулов, Қ. Мирзажонов. Б. А. Миренский. Қонунчилик мажмуини такомиллаштиришда методологик асослар ва усуллар.	46
---	----

Хроника

А. А. Асқаров, Ю. Ф. Буряков. Улуғ ипақ йўли масалалари бўйича ЮНЕСКОнинг халқаро кенгаши	46
Н. С. Қориева. «Бобурнома»нинг 460 йиллигига бағишланган халқаро илмий-назарий анжуман.	49
Е. Э. Бертельс туғилган кунининг 100 йиллигига.	51
<i>Журналнинг 1990 йил мундарижаси</i>	<i>53</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Д. Нуруллаев. Современное состояние экономики Узбекистана и проблемы перехода к рынку	3
И. А. Черкашина. Межхозяйственные сельскохозяйственные предприятия как субъекты права водопользования	10
А. М. Кадыров. Стоимостные и натуральные показатели оценки потребления продуктов питания в регионе	16
С. И. Тансыкбаева. Исламский фактор во внутриполитической жизни Пакистана	21

Научные сообщения

М. Я. Исмаилова. Создание совместных предприятий — эффективная форма международного научно-технического сотрудничества	31
Т. У. Абдуллаев, М. Р. Рахимов. О роли общесоветских традиций в формировании личности	34
Т. В. Перевезенцева. К истории демократизации состава Советов УзССР в 50-е годы (По данным историко-статистического анализа)	37
У. И. Исламов, К. А. Крахмаль. Некоторые проблемы палеоэкологической реконструкции ашельской стоянки Сельунгур	39

В помощь преподавателям вузов

С. С. Камилова. К вопросу об изучении истории общественно-философской мысли узбекского народа в высшей школе	42
--	----

Историография

Р. Н. Шигабдинов. Шефское движение в Узбекистане в литературе 20-х годов	44
--	----

Новые книги

А. Расулев, К. Мирзажанов. Б. А. Миренский. Методологические основы и методы совершенствования законодательства	46
---	----

Хроника

А. А. Аскарлов, Ю. Ф. Буряков. Международный семинар ЮНЕСКО по проблемам Великого шелкового пути	46
Н. С. Кариева. Международный научно-теоретический симпозиум, посвященный 460-летию «Бабур-наме»	49
К столетию со дня рождения Е. Э. Бертельса	51
<i>Содержание журнала за 1990 год</i>	<i>53</i>

НАШИ АВТОРЫ

- Аскарлов А. А.— академик АН УзССР, член Президиума АН УзССР.
Исламов У. И.— член-корреспондент АН УзССР, зав. отделом Института археологии АН УзССР.
Буряков Ю. Ф.— доктор исторических наук, зам. директора Института археологии АН УзССР.
Камилова С. С.— доктор философских наук, зав. кафедрой логики ТГПИ им. Низами.
Нуруллаев Т. Д.— доктор экономических наук, зав. отделом Института экономики АН УзССР.
Абдуллаев Т. У.— кандидат философских наук, доцент ФерГПИ им. Улугбека.
Кадыров А. М.— кандидат экономических наук, зав. отделом СОПС АН УзССР.
Рахимов М. Р.— кандидат философских наук, доцент ФерГПИ им. Улугбека.
Тансыкбаева С. И.— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
Исмаилова М. Я.— научный сотрудник Института экономики АН УзССР.
Черкашина И. А.— научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
Крахмаль К. А.— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
Перевезенцева Т. В.— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
Шигабдинов Р. Н.— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.

ПОПРАВКИ

В № 11 журнала за 1990 г. на с. 53, 58, 59 следует читать:
З. Абдуллаев

Цена 65 к.

Индекс
75349